

Вспомните, ребята!

ИГОРЬ БОРИСОВИЧ ТКАЧУК

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Игорь Ткачук
Вспомните, ребята!

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Ткачук И. Б.

Вспомните, ребята! / И. Б. Ткачук — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Воспоминания посвящены жизни семьи, родственников, друзей, окружения автора и других лиц на фоне эпох, менявших страну. Рассказчик представляет окружающий мир глазами ребенка войны, школьника, рабочего и студента. Описывает события и людей, сформировавших характер участников повествования и определивших их жизненный путь. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть первая	5
Место рождения – Ростов, место жительства – станция	5
Ассиновская	
Фронт рядом	18
Времена года	22
Детали быта военного времени	24
Друзья	28
Возвращение эвакуированных, денежная реформа и отмена	33
продуктовых карточек	
Первый класс	36
Игры и другие развлечения	38
Поездка в Носовку. Родственники мамы	40
Школьные каникулы	44
Завершение учебы в Ассиновской	47
Георгиевск	49
СШ № 1	51
Белгородка в 1954 г.	53
СШ № 3	56
Снова СШ № 1	59
Белгородская средняя школа	61
Осень 1956. Отголоски венгерских событий	65
Конец ознакомительного фрагмента.	67

«...Каждый человек все равно знает то, что другие не знают, и это кому-то да интересно».

В. Н. Крутин

«Как только, так сразу»

Повесть. 1992 г.

Часть первая

Детство и школа

Место рождения – Ростов, место жительства – станица Ассиновская

Я родился в четверг 20 февраля 1941 года в Ростове-на-Дону. В этот город мама, Стегайло Людмила Алексеевна, приехала по приглашению старшей сестры Евгении. Тетя Женя, врач клиники ростовского мединститута и будущий доктор медицинских наук, оказалась единственной родственницей, имевшей возможность поддержать маму при моем появлении на свет. Две недели после родов мама провела под опекой сестры в ростовской квартире по адресу: проспект Соколова, в то время носивший наименование «Средний», дом 17, кв. 35. Затем мы отбыли к постоянному месту жительства в станицу Ассиновскую Сунженского района бывшей Чечено-Ингушской АССР. По законодательству того времени декретный отпуск мамы составлял 35 календарных дней до и 28 календарных дней после родов.

Мама и отец – Ткачук Борис Васильевич, инженеры-технологи, приехали на недавно построенный Ассиновский консервный завод в июле 1940 года по распределению после окончания Одесского технологического института консервной промышленности.

Мама с отцом. Молодые специалисты. 1940 г.

На тот же завод получили назначение однокурсники и друзья родителей, супруги Нина Михайловна Егорова и муж Яков Исакович Байтман, выходец из семьи одесской еврейской бедноты, яркий игрок институтской сборной по футболу. 28 октября 1940 года мама осталась в Ассиновской одна. Сунженский РВК призвал отца на действительную военную службу рядовым 674 стрелкового полка 150-й стрелковой дивизии. Офицерского звания отец, как и другие однокурсники, не имел, хотя проходил военную подготовку в институте и был «Ворошиловским стрелком». Это подтверждают фотографии с пояснительными надписями и соответствующий значок. Перед началом войны 674 СП дислоцировался в Одессе. В письме маме 15 июня 1941 года, отец интересовался, призвали ли в армию Яшу Байтмана, упомянул, что накануне сфотографировался, и фотограф потратил много времени, добиваясь веселой улыбки. Обещал выслать фотографию 28 июня. Не получилось. Уже 23 июня 1941 года 674 полк вел бои у пограничной реки Прут в Молдавии. Последнее письмо с датой 11 июля 1941 года, было из действующей армии. Отец сообщал, что пишет во время передышки после трехдневных боев в Бессарабии, что потерял связь с сестрами Лесей и Лизой и волнуется за судьбу родителей,

жителей местечка Белгородка Изяславского района Каменец-Подольской, ныне Хмельницкой, области. Сообщил адрес: Действующая Кр. Армия, военно-почтовая сортировочная база «Т», полевая почтовая станция № 73, 674 стр. полк. Комендантский взвод. Больше писем не было. За время Войны 150 стрелковая, пережила второе и третье формирования, заслужила орден Кутузова II степени и почетное наименование Идрицкая. Бойцы дивизии – по официальной версии Егоров и Кантария, водрузили над Рейхстагом Знамя Победы. Дошел ли до Берлина кто-нибудь из бойцов 1-го формирования, не известно.

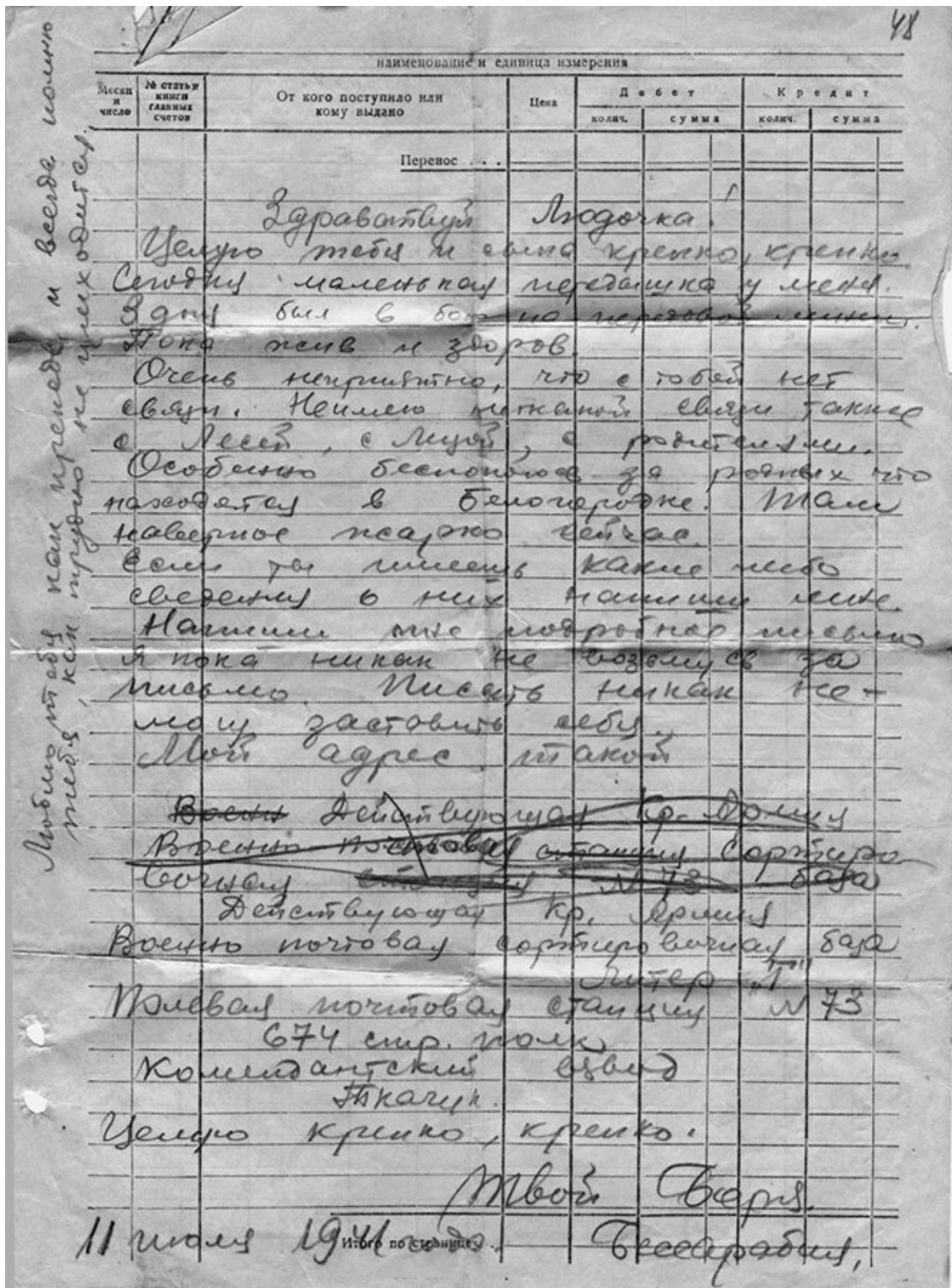
Отец – рядовой 674 СП 150 СД 1941 г.

По сообщению Минобороны, отец пропал без вести в декабре 1941 года¹. После войны пришла официальная бумага, что отец, бывший окруженец, участвовал в партизанском движе-

¹ ОБД Мемориал – <http://obd-memorial.ru>.

нии в Винницкой области, захвачен и расстрелян фашистами в Житомирской тюрьме 18 июня 1943 года. На Ассиновском консервном заводе мама работала сначала химиком-аналитиком лаборатории, а затем, с 1947 года, заведовала этой лабораторией до июня 1953 года. С начала второго месяца жизни я стал ясельным ребенком. Заводские ясли размещались у южных ворот, и матери приходили к детям во время обеденного перерыва. В этих яслях, пребывал и сын Егоровой и Байтмана Юра, мой ровесник.

Иногда, в случаях вынужденных отлучек, мама и Нина Михайловна Егорова, подменяя друг друга, кормили нас грудным молоком. Юра был соседом и другом с тех пор, как я себя помнил. Семья Егоровых-Байтманов жила в нашем подъезде этажом ниже. В их комнате вместе со старшим братом Юры Виталием 1937 года рождения и бабушкой Ольгой Николаевной Егоровой мы провели много тоскливых зимних вечеров под бесконечные переливы фортепьянной классики или унылые песни хора имени Пятницкого из репродуктора с воронкой из черной бумаги. Такой же репродуктор, только с рупором бежевого цвета, висел и на стене нашей комнаты. С тех пор страдаю аллергией на некоторые народные песни вроде романтической баллады «Жила-была одна блоха».

Последнее письмо отца, написанное 11 июля 1941 года

С Егоровыми-Байтманами приходилось коротать время после закрытия детсада в ожидании наших родителей, задержавшихся на работе или на обязательных для инженерно-технических работников завода вечерних занятиях по Краткому курсу истории ВКП (б). Нина Михайловна состояла в партии, работала начальником цеха. Мама в партию не вступала.

По окончании войны, в каком году не помню, Нину Егорову перевели на Тираспольский консервный завод. На станции Серноводская семья друзей погрузилась вместе с небогатым

имуществом в двухосный вагон – теплушку, отбыла к месту назначения. К тому времени я ни разу не ездил на поезде и втайне завидовал предстоявшему Юре путешествию.

Отца Юры Якова Исаковича Байтмана призвали действительную военную службу в июне 1941 года рядовым 38 стрелковой дивизии, дислоцированной в Одессе. Перед самым началом Войны 38-ю СД перебросили в район города Белая Церковь. Эта часть вступила в Войну со 2 июля 1941 года, участвовала в тяжелых боях под Вязьмой и, по согласно архивам Минобороны, расформирована 27 декабря 1941 года, как «погибшая в боях лета-осени 1941 года». Вышедший из окружения отец Юры продолжил войну в 38-й стрелковой Сталинградской дивизии второго формирования (с 1 марта 1943 года – 73 Сталинградская гвардейская стрелковая дивизия).

Семейное фото Егорвых-Байтманов, слева направо Юра, Нина Михайловна и Виталий. 7 сентября 1954 г. Тирасполь.

В архивах Минобороны хранятся сведения о личном мужестве и умелом руководстве подчиненными, проявленных командиром взвода минометной роты 48 стрелкового полка 38 СД лейтенантом Байтманом Я. И. 9–31 января 1943 г. в боях за высоты 97,5; 110 и 117 и при взятии разъезда Басаргино, в 3 км западнее Сталинграда. 19.02.1943 г. отец Юры награжден

орденом Красной звезды². Второго августа 1943 года, погиб в бою в звании гвардии старшего лейтенанта³.

Родителей Я. И. Байтмана расстреляли фашисты. Старики остались в Одессе, считая немцев представителями «культурной нации», не способной на бесчеловечность. С мамой Юры, депутатом Верховного Совета СССР, я встречался у нее дома в Киеве летом 1969 года. В тот раз узнал, что Юра окончил Высшее военно-морское училище и командовал эсминцем в звании капитана 3-го ранга. Как сложилась дальнейшая судьба друга детства, не знаю.

Зимой 1944 года я одновременно с Юрой перешел в детский сад, который занимал две трехкомнатные квартиры на 1-м этаже первого подъезда нашего жилого дома. Шесть комнат детсада в течение дня попеременно превращались в площадки для занятий, столовые и спальни. В последнем случае в них расставлялись изделия тарного цеха завода – раскладушки в виде Х-образных деревянных стоек, которые фиксировались на торцах длинными металлическими крючками. Верхняя часть разноги держала брезентовую основу спального места.

Ассиновский консервный завод строился по предвоенной программе развития пищевой промышленности СССР. Предприятие выпускало растительные и мясные консервы и было самым крупным из 5-ти, включая Грозненский, аналогичных производителей продукции Орджоникидзевого треста. Завод создавался по типовой схеме, заимствованной у родоначальника американского автопрома Генри Форда старшего: с собственным жилым фондом, подсобным хозяйством и сырьевой базой. Жилье строилось в 10–15 минутах ходьбы от территории. Сырье заводу поставляли специализированный плодово-овощной совхоз и местные колхозы. Работал в этом совхозе на уборке помидоров для завода, в конце 50-х годов 20 века и будущий министр химической и нефтехимической промышленности СССР, академик РАН Саламбек Хаджиев. Об этом он рассказал во время совместного полета с подмосковного аэродрома Чкаловский в Моздок в 1995 году.

Продукцию завода отвозили на автомашинах и подводах, по специальному шоссе на железнодорожную станцию Серноводская. Заводчане помнили, что до Войны часть возчиков на заводском конном дворе составляли чеченцы, которые с приближением фронта навсегда разъехались по аулам на заводских подводах, прихватив заодно груженые на них консервы.

Станцию Серноводская под названием «Кавказские воды» описал Анатолий Приставкин в повести «Ночевала тучка золотая». Часть «золотой тучки» посвящена Ассиновскому консервному заводу. Персонажей повести из числа работников завода, водителя «Студебеккера» Веру, погибшую от рук бандитов, и некоторых других, мама вспомнила по именам и фамилиям. Очевидно, на восприятие Приставкиным заводской территории повлияли тогдашние невзгоды автора. Заводской двор, в глазах детдомовца, выглядел тесной и мрачной площадкой с двухметровым забором и глухими железными воротами. Это не так. Предприятие построили на пустынном предгорье, поэтому территория смотрелась просторной. Ни северные, ни южные заводские ворота не скрывали вида заводских сооружений и рабочих площадок. Распашные створки представляли собой рамы, с вертикальными железными полосами. Расстояние между ними не мешало протискиваться на территорию, если «вредный» охранник не пропускал через проходную. Свободное место между цехами и заводской оградой занимали ухоженный сад из абрикосовых, вишневых, сливовых и шелковичных деревьев и яркие цветники. Такая обстановка, по воспоминаниям мамы, сохранялась даже в тяжелые военные годы. Сохранилась фотография, на которой я стою на фоне вала цветов, петушков – ирисов, рядом с входом в заводскую лабораторию. Это было не позднее 1944 года.

Первым городом, увиденным мною в сознательном возрасте, был Грозный, расположенный в 40 километрах восточнее нашей станицы. Завод организовывал поездки туда за покуп-

² ОБД Мемориал – <http://obd-memorial.ru>.

³ <http://podvignaroda.mil.ru/?#id=16495976&tab=navDetailManAward>

ками промтоваров на открытом грузовике. Через Грозный пролегла дорога и в пионерский лагерь. Окраины города с нашей стороны занимали нефтеперегонные заводы, выбрасывавшие серную вонь, которая перехватывала дыхание. Некоторые охранники заводов стояли на постах в противогазах.

Однажды рядом с заводом работала группа немецких военнопленных. Кто-то из попутчиков придумал бросать им припасенные для еды помидоры. Не знаю, что оставалось от овощей после удара о землю, но видел, как пленные сбивались вокруг них в кучу-малу.

Город удивил асфальтом, трамваями и кинотеатром имени Челюскинцев в начале ул. Первомайской. На противоположном конце этой улицы располагался консервный завод, который мне довелось увидеть впервые, увы, в виде руин в марте 1995 года. Самым запоминающимся впечатлением во время поездок оказался вкус молочного мороженого. Ничего подобного в последующие периоды жизни я не встретил.

Территорию Ассиновского консервного завода помню с самых ранних дошкольных лет. В годы учебы в начальных классах провел много времени, исследуя заводские закоулки вместе с другом Сашей Филатовым, сыном директора. Сергей Петрович Филатов, отец Саши, занимал двухкомнатную квартиру в здании пожарно-сторожевой охраны внутри заводского периметра. Саша приезжал к отцу на время летних каникул. В остальное время жил с матерью и сестрой-двойняшкой в Грозном, на улице Р. Люксембург, в одноэтажном домике под номером 37. Однажды, приехав в город на заводской полуторке в ноябре 1950 года, побывал у него в гостях. Адрес нашел сам и помню до сих пор.

Саша был старше на 2 года, увлекался техникой. Свободно пользовался малокалиберной винтовкой с запасом патронов из арсенала заводской охраны. Из этой винтовки мы по очереди стреляли по крысам, появившимся у сараев, устраивали импровизированный тир в заводском саду. К счастью, из-за наших упражнений никто не пострадал. Приезд Саши на каникулы ожидался с большим нетерпением. Однако время летнего общения ограничивалось из-за моих ежегодных поездок в пионерский лагерь, начиная с 1-го класса. Кроме того, однажды летом Саша тяжело заболел малярией и много времени провел на постельном режиме. В то время этой болезнью страдали и другие ребята и взрослые.

Самыми привлекательными представлялись заводской гараж и механический цех. После Войны на заводе было 7 автомашин: две трехтонки «ЗиС-5», одна пятитонка «ЯГ-3» (на языке шоферов – Яга), черырёхтонный «Студебеккер», описанный в повести А. Приставкина, полуторатонный «Форд» с далеко слышным завыванием мотора на подъемах и две полуторки «ГАЗ-АА». Одна полуторка считалась дежурной и одновременно служебной машиной директора. В 50-х годах появился «ГАЗ-51» с деревянной кабиной, а директор пересел на американский военный внедорожник «Виллис-МВ». Кроме перевозки продукции на станцию, заводские грузовики использовались для доставки сырья с полей и садов.

Нашему знакомству с устройством машин помогали наблюдения и посильное участие в капитальном ремонте тех или иных грузовиков. Помню полную разборку одного «ЗиС-5». Сначала трехтонку развинтили дотла. Оголили раму, зашкурили, промыли керосином с нашим участием и покрыли новой краской. Затем пошла переборка рессор, замена крепежа и т. д. Полной ревизии подвергся мотор. Из процедуры обновления запомнился процесс заливки баббитовых вкладышей (антифрикционного сплава на основе олова) в подшипники скольжения коленчатого вала. После заливки вкладыши зачищались шабером, а затем, по завершении сборки мотора, некоторое время притирались на холостом ходу.

Надо ли говорить, что наблюдение за техникой вождения машин давало достаточное представление о приемах управления. По вечерам оставшиеся без присмотра грузовики использовались как тренажеры для совершенствования навыков работы со сцеплением и переключением скоростей. Благо, автомобили не запирались по причине отсутствия замков как таковых.

Полученные таким образом знания и навыки я впервые использовал на практике летом 1953 года, привезя здорово пьяного мужа маминой подруги из осетинского села к нему домой на собственном автомобиле марки «Москвич-401».

Не обходили вниманием котельный (с пригодными для катания угольными и шлаковыми вагонетками) и дизельный цеха. Между дизельным цехом и северной частью заводского забора заманчиво смотрелась градирня: два сообщающихся бетонированных бассейна, заполненных охлаждающейся оборотной водой из дизелей. Временами использовали эти сооружения для купания. В первом из них вода была горячей, во втором – слегка теплой. Зимой эти емкости возникали в воображении при решении набивших оскомину арифметических задач о наполняющихся и пустеющих резервуарах.

У южных ворот к наружной части забора примыкало одноэтажное здание, в котором размещались заводская столовая с буфетом и библиотека. В дни праздников, выступлений заводских и станичных участников самодеятельности или приезда кинопередвижки обеденный зал трансформировался в зрительный. В торце помещения возвышалась сцена с поднимающимся экраном. Станицу на концертах представляли в пожилые казаки в затянутых наборными учкурами (узкими кожаными поясками) черкесках с газырями и со старинными кинжалами. Некоторые невоспитанные заводчане называли «учкурами» самих казаков. Те в ответ именовали заводских «жидами». Однако на самом деле розни между заводчанами и станичниками не было.

Метрах в тридцати от столовой в сторону станицы выступал внушительных размеров бурт ледника с трехслойной теплоизоляцией из опилок, соломы и земли. Лед для столовой и буфета заготавливался на рекеASSE в конце зимы. Его хватало на летний сезон. Зимой 1951 или 1952 года ледяной покров перед мостом взрывали приезжие военные. Мы бегали смотреть на работу саперов после уроков.

В раскаленные летние дни конца 40-х – начала 50-х заводской буфет предлагал посетителям привезенную из-под Гудермеса и охлажденную льдом из Ассы минеральную воду «Дарбанхи» в бутылках. Рядом, под стеклом прилавка, в россыпях колотого льда лежали внушительные кубы красной икры и сливочного масла. По окончании рабочего дня, особенно в дни аванса и получки, сюда заходили желающие опрокинуть стопарик. Буфетчица черпала водку из деревянного бочонка алюминиевыми мерками по 100 или 150 граммов. На закуску шли бутерброды с икрой.

Однажды по предложению мамы я тоже попробовал этот деликатес, но съесть бутерброд не смог, так как икра оказалась слишком соленой.

Несколько далее ледника вытянулась свиноферма заводского подсобного хозяйства. Свиней кормили отходами консервного производства. Мясо поставлялось в заводскую столовую. Из рассказов старших знаю о неприятном последствии скармливания свиньям то ли бракованных, то ли неликвидных консервов «Соя в томате». Этот вид продукции, даже при условии полного соответствия требованиям ГОСТа, был мало востребован из-за специфического соевого вкуса. Пробную партию консервированной сои непродолжительное время изготавливали из-за отсутствия другого сырья.

После использования сои на корм свиньям, мясо и сало хрюшек приобрели ярко желтый цвет (наверное, от томатов) и настолько неприятный соевый привкус, что реализовать этот, пригодный (по санитарным нормам) для употребления продукт, стоило больших усилий.

В оправдание случая с соей надо сказать, что эксперименты с заменой недостающего традиционного сырья иногда были весьма удачными. В одну из зим завод выпускал джем из моркови. Этот удивительный продукт отличался необыкновенным вкусовым букетом, оттенки которого помнятся по сей день. В зрелые годы мои ностальгические попытки изготовить что-то подобное в домашних условиях оказались провальными. Причина неудачи, по предположе-

ниям мамы, объяснялась забытыми тонкостями технологии прошлых лет, помноженными на особенный сорт и высокое качество той памятной моркови.

Вдоль юго-восточной части заводской территории, в нескольких метрах от наружной стороны ограждавшего ее кирпичного забора, проходил полноводный отводной канал от Ассы, снабжавший предприятие проточной водой из ледников Церсаломского горного хребта. Обогнув завод, быстрый поток разветвлялся на три рукава и уходил через систему шлюзов (по – станичному «скрынь») на поля и в сады совхоза. Эти протоки также были любимыми, хотя и несколько опасными, местами наших купаний в школьные годы. В шлюзе напротив южных ворот летом 1951 года утонул, прижатый потоком воды, мой одноклассник. Мать погибшего-рабочая завода, прибежала к «скрыне», когда заводские охранники уже достали его из щели приоткрытой задвижки. Отца у одноклассника не было. Он погиб на фронте.

Жилой фонд завода составляли два дома и общежитие казарменного типа. Один дом был трехэтажным 3-х подъездным квартирному типа из красного, не оштукатуренного кирпича (в просторечии – красный дом). Другой – двухэтажным, одноподъездным, с оштукатуренными стенами и с комнатами, расположенными по обеим сторонам сквозных коридоров (в противовес красному – белый дом). Часть работников, из местных казаков и приезжих, жила в станице. Их дети тоже ходили в наш детсад. Завод располагался в километре от западной окраины Ассиновской. Семьи некоторых детсадовцев какое-то время жили в землянках, наскоро выкопанных между станицей и заводскими жилдомами. Откуда они приехали, сказать не могу. Вскоре эти люди нашли какое-то другое жилье и землянки исчезли. Мы с мамой занимали комнату в коммуналке на 3-м этаже «красного» дома. В других комнатах жили соседи семьями по 3–7 человек.

Окна нашей комнаты выходили в сторону Ассы. Несмотря на то, что от реки нас отделяло около 2-х километров, ее шелестящий шум, когда не работали заводские дизеля, явственно слышался в комнате. Далее, за Ассой, горизонт украшали заснеженные горные вершины во главе с Казбеком. В ясную погоду из нашего окна отчетливо просматривалась не только сама гора, но и одно из ее ущелий, напоминавшее формой цифру «2». По этой причине в детсадовском варианте название узнаваемой на папиросных пачках горы звучало как «Казбек – гора – номер – два». Для жителей станицы и заводчан «картинка» ущелья служила надежным инструментом предсказания погоды. Каждый знал, вслед за исчезновением «двойки» с панорамы Казбека на станицу накатятся заряды снега или дождя.

Дом, в котором мы жили, заселялся до подключения предусмотренных проектом водопровода и канализации. Воду брали в колонке метров за 25–30 от подъезда. Труба с вентилем стояла на бетонном возвышении, окруженном земляными склонами. Зимой от разлитой воды это возвышение на радость малышне превращалось в ледяную горку. Жильцы дома, не разделявшие нашего желания съехать по склону, на чем придется, периодически посыпали его печной золой.

Коллективный умывальник (рукомойник) «соскового типа», закрепленный на вертикальной доске, прибитой к табуретке, таз и ведра для использованной воды, у каждой семьи свое, стояли в специальной нише. По первоначальному замыслу там планировалась кладовка. Ключи от комнат отсутствующих хозяев, висели на гвоздиках в нише умывальника. Наружная дверь коммуналки днем не запиралась. На ночь в ручку двери изнутри вставлялся увесистый лом.

Дощатый туалет с прорубленными в полу, не разгороженными между собой отверстиями на 4 «посадочных места» в каждом из отделений «М» и «Ж», светился известкой метрах в 50-ти от дома в направлении противоположном колонке. После заполнения ямы под туалетом строение перемещали на новое место. При заселении моих родителей, как и других молодых специалистов, снабдили набором казенной мебели: одежным шкафом, комодом, тумбочкой, столом и табуретками, изготовленными в тарном цехе, а также металлическими кроватями с «панцирной» сеткой. Этой мебелью мы пользовались до перевода мамы на консервный завод в

г. Георгиевск Ставропольского края в 1953 году. Первый шифоньер (с зеркалом) за 900 рублей, диван с матерчатой обивкой салатного цвета (цены не помню) и подержанный велосипед «ЗиФ» (за 400 рублей) покупались на «подъемные», деньги, выданные на переезд в Георгиевск. Позже мама признавалась, что без «подъемных» нам эти покупки были не по карману.

В 1954 году мама купила первые в жизни женские наручные часы марки «Звезда» Пензенского завода, поразительно точные и долговечные. До этого в семье имелись мужские наручные часы Кировского завода, которые, уходя в армию, оставил дома отец. Этот хронометр размерами с наручный компас, украл сосед Васька Бабадеев, перебравшийся днем на наш незапертый балкон из окна своей комнаты по кирпичному карнизу. Васька сгинул где-то в Гулаге или по пути к нему. В газете «Грозненский рабочий» соседи прочли заметку о том, что он убил и сбросил с крыши поезда какого-то человека.

До появления «Звезды» мы приобрели будильник в металлическом корпусе. А еще раньше определяли время по заводским гудкам, которые подавались за час и за 30 минут до начала рабочей смены, и постоянно включенному репродуктору. Году в 1952 мама доверила мне покупку в сельпо двухдиапазонного радиоприемника «Москва». Передняя панель аппарата была изготовлена из рифленой пластмассы розовато-белого цвета, отчего наше приобретение имело сходство с мыльницей. Покупка оказалась с браком – одна лампа была разбита. Принять приемник обратно продавщица отказалась, обманно утверждая, что лампу разбил я при переноске. Недостающей детали в продаже не было. Выручил заводской радист. Используя самодельные переключки, он изготовил из подручной лампы гибридный заменитель. Других поломок в жизни приемника не было. Мы пользовались устройством до конца 60-х годов, затем его сменила радиола «Ригонда».

После покупок в Георгиевске рост нашего благосостояния остановился до конца 50-х годов, так как оклад мамы на новом месте работы по причине незначительности размеров завода был меньше, чем в Ассиновской, и составлял 600 рублей. Правда, еще 290 рублей выплачивались на мое содержание государством как сыну пропавшего без вести фронтовика. Это пособие сохранялось до окончания средней школы.

Но, вернемся в близкую моей душе станицу Ассиновскую. В комнатах нашей квартиры висели неработающие батареи парового отопления. О предназначении устройств я не задумывался и удивился, когда в них на исходе войны или сразу после окончания, появилось легкое тепло из начавшего работать котельного цеха завода. До этого жители дома грелись «буржуйками» разнообразных конструкций. Об их предназначении я не задумывался и очень удивился, когда в них на исходе войны или сразу после ее окончания, точно не знаю, появилось легкое тепло от начавшего работать котельного цеха завода. До этого жители дома грелись «буржуйками» разнообразных конструкций. Они стояли в комнате каждой семьи. Загнутые вверх дымовые трубы выходили из комнат через прорезь в листе жести, вставленном во фрамугу окна. Несмотря на то, что наружная часть дымохода монтировалась на расстоянии метра от стены (труба дополнительно укреплялась проволочными растяжками), кирпичная кладка дома на уровне 2-го и 3-го этажей несла на себе плотные языки копоти по числу использовавшихся труб. Я не помню, чтобы эти языки удаляли специально, но впоследствии они исчезли. Коммуналка имела кухню с конфорочной печью. Дрова хранились в выделенных каждой семье дощатых сараях. Топливо добывали, как придется. Одно время мама ходила в лес за сухим хворостом вместе с соседями по дому. С детьми оставались (а нас с Юрой Егоровым-Байтманом еще и грудным молоком кормили) по очереди. Однажды на встрече семей фронтовиков с работником военкомата выяснилось, что им было выделено на зиму по подводе дров, которые не доехали до адресатов. Топливом воспользовались сплоченные одесситы из числа эвакуированных, которые напористо и плотно заполнили «бронированные» от призыва в армию должности инженеров и руководства завода. По словам мамы, процесс начался с назначения нового директора, занявшего место в результате серии интриг, подвохов и кляуз. Далее обновление

кадров пошло ускоренными темпами. Новое руководство талантами и знаниями не блистало. Протеже директора, назначенная на должность заведующая лабораторией, не знала операций с десятичными дробями по программе 6-го класса. В результате ее безграмотных расчетов при составлении рецептуры в брак попало две партии продукции. Однако ущерб утаил директор.

Правда, не все одесситы стали руководителями. Часть крепких еврейских парней, как упомянул в повести А. Приставкин, работала на заводе грузчиками.

Позже дрова привозили к сараям на заводских подводах. Я участвовал в пилке, начиная с детсада. Эта работа была реально востребованной и не имела намека на показушное «трудовое воспитание». Ведущие партнеры по двуручной пиле «дружба», действующей по технологии «ТИбе-МИне» (мама и соседская бабушка, очень слабенькая), нуждались в том, чтобы я, как минимум, возвращал гибкое полотно в свою сторону. Обе они строго следили, чтобы я держал левую (опорную) руку подальше от линии распила. Объяснений не требовалось. Двое моих детсадовских приятелей, нарушив это условие, потеряли при пилке дров по указательному пальцу.

Рубка дров тоже не обходилась без травм. Помню, мама «заработала» себе синяк на поллица поленом, взлетевшим в результате неудачного удара топором.

На кухне готовили еду, стирали, по очереди мылись в корыте, сходились зимними вечерами на посиделки. Приехавшие из освобожденного Крыма соседи рассказывали, что румыны и крымские татары-националисты затмевали изошренными зверствами над населением хозяев – немецких фашистов. Вечера проходили при свете самодельной «коптилки» – конструкции из стеклянной банки с ватным фитилем, пропущенным через трубку, развальцованную в жестяной крышке для консервирования. В качестве горючего использовались керосин или бензин. В последний для предупреждения взрыва добавлялась соль. Своеобразный признак достатка являлись коптилки с двумя или тремя фитилями.

Количество света и копоты, летавшей в виде черной паутины, регулировались вытягиванием фитиля булавкой. Керосин, вата и соль, сахар, иголки, мыло были в то время большой ценностью. Банки оставались более доступными. Очевидно, их брали из примыкавших вплотную к внутренней стороне заводской ограды открытых штабелей стеклотары. Кирпичный забор местами был невысок, а штабеля располагались на расстоянии вытянутой руки. Банками заменяли отсутствующие стекла в окнах. Промежутки между ними замазывались цементом. Такое «баночное» окно оставалось в коммунальной кладовой до появления на заводе листового стекла. В теплое время года еду готовили на примусах и керосинках, выносившихся на лестничную площадку.

По окончании войны с разрешения директора семьи работников стали мыться по вечерам в душе санпропускника на территории завода. Жить стало веселее. Заработали четыре заводских дизеля. Появился электрический свет. Ток давали с наступлением темноты. Днем в воскресенье дизельный цех останавливался на профилактику, а вечером, когда удавалось попасть внутрь цеха, я с большим интересом наблюдал процедуру запуска этих машин. Каждый из дизелей различался по звуку даже из окна нашей комнаты, выходящего в сторону завода.

Электрическая сеть комнаты представляла собой два сплетенных провода в текстильной оплетке, оканчивающихся патроном с голой лампочкой. Косичка держалась на вбитых в стену фаянсовых роликах-изоляторах. Выключатель и единственная розетка размещались у двери. Пользоваться электрическими нагревательными приборами (плитками) не разрешалось из опасения перегрузки дизелей. За соблюдением запрета следил комендант домов Жора Минасян. На случай внезапного визита коменданта наша электроплитка хранилась внутри тумбочки и извлекалась на свет только в необходимых случаях. Жильцы, у которых розеток не было, пользовались «жуликом» – переходником, который ввинчивался в патрон для лампочки, однако имел на свободном торце отверстия для штепсельной вилки. Воду в кухню провели в конце 1952 или в начале 1953 года. Туалет по-прежнему, оставался во дворе.

Первые воспоминания в виде отдельных картинок относятся к возрасту 2,5 лет. Помню комнату, тускло освещенную лампой. По словам мамы, то была ночь кризиса – я тяжело болел корью – в больнице поселка Михайловское (теперь – Асланбек) в 3-х километрах от Серноводска. Второй раз я попал в это заведение в 5 лет на двадцатидневный карантин по подозрению в скарлатине вместе с другими неудачниками из детсадовской группы. Время до окончания карантина тянулось мучительно. Подозрение не подтвердилось, больные среди нас не обнаружили. Окна палаты выходили на унылый склон с пожухлой травой и старое кладбище с крестами. Не посвященные в тонкости педагогики нянечки, использовали пейзаж в воспитательных целях, предупреждая, что нарушители тишины вместо возвращения домой попадут на этот погост.

Фронт рядом

Фронт не дошел до Ассиновской 60 километров. Немцев остановили на окраине Владикавказа.

Название этого города периодически менялось. Дважды столицу Осетии называли Владикавказом (в 1931 и 1990), дважды Орджоникидзе (в 1944 и 1954 годах) и один раз Дзауджикау (в 1954 году). Немецкие самолеты летали над Ассиновской бомбить Грозный. Зарево горящей там нефти было отчетливо видно по ночам. На нас фашисты не разменивались. Однажды метрах в пятидесяти от нашего дома упала, видимо случайно брошенная, бомба. Воронка так и осталась не засыпанной. На станичном выгоне, начинавшемся за нашим жилым домом (месте прогулок старшей группы детсада), с 13.08.1942 по 07.01.1943 года базировался 46 гвардейский женский авиаполк ночных бомбардировщиков У-2 (кукурузников), участвовавший в обороне Владикавказа, в уничтожении войск и техники немцев в районах Моздок, Прохладный, Дигора. За ночь летчицы совершали до девяти боевых вылетов. Поразительно, но полеты на этих самолетах, созданных из деревянных брусков, фанеры и полотна до осени 1944 года совершались без парашютов. Присутствие этого спасательного устройства не было предусмотрено конструкцией кабины. Стрелково-пушечное вооружение на У-2 также отсутствовало.

В мемуарах гитлеровского пикировщика Ганса-Ульриха Руделя я с гордостью за этих девчат прочел жалобы на их «коварство». Он – единственный в Рейхе кавалер «Золотых дубовых листьев с мечами и бриллиантами к Рыцарскому кресту Железного креста» (какова пышность названия) – сетует на ночные налеты «маленьких, опутанных тросами бипланов», «воздушных змеев», летчики которых на подлете к цели выключали двигатели и, заметив горящий свет, бросали небольшие осколочные бомбы. Кстати, У-2 «возил» и фугасные бомбы. Бомбовая нагрузка составляла 400 кг. «Больших успехов они обычно не добиваются», – сообщал бывший ас, – «...это только попытка расшатать нам нервы». Правда, далее Рудель признает, что некоторые из коллег, в числе и командир эскадрильи, награжденный «Дубовыми листьями» (простыми, без прибаамбасов), во время таких налетов были убиты. То есть получили в дополнение к «Железным крестам с дубовыми листьями» кресты сосновые.

О героизме и самоотверженности девушек свидетельствуют впечатляющие сведения. Летный состав полка, во главе с командиром Е. Д. Бершанской, включал в себя 40 человек. Из них погибли 11 летчиков и штурманов. 23-м было присвоено звание Героев Советского Союза.

В память о «ночных ведьмах» остались окопы аэродромной охраны на вершинах и у подножий двух небольших курганов (по оценке археологов – скифских воинских захоронений), расположенных на дальней границе выгона. Курганы и окопы были местом наших игр «в войну» во время прогулок.

По воспоминаниям мамы, в 1942 году работники завода уходили на фронт под Владикавказ и гибли там, даже не успев получить военного обмундирования. В числе погибших там был и наш сосед – отец Васьки Бабадеева.

Эвакуироваться мы не могли. Переполненные беженцами поезда на Баку, оттуда паром за Каспий, шли через станцию Серноводская. Умерших в пути грудных детей, по словам очевидцев, хоронили в чемоданах рядом с железной дорогой. Вернувшиеся из Баку неудачники рассказывали об недоступных ценах на продававшуюся стаканами воду, о невыносимых условиях ожидания парома и беспорядках в очереди.

Мамина подруга, Янина Францевна Салостей, переправившаяся в потоке эвакуированных через Каспий, рассказывала в 60-х годах прошлого века о том, как под покровом ночи одна обезумевшая семья сбросила за борт своего умиравшего старика.

После войны мы узнали, что при передислокации частей Южного фронта через Ассиновскую проходила вместе с хирургическим полевым передвижным госпиталем № 2340, пере-

именованным 20.05. 1942 г. в хирургический полевой передвижной госпиталь № 4358, родная сестра отца, Ткачук Александра Васильевна (тетя Леся). Ее призвали в действующую армию 15 июля 1941 года в качестве военного врача сразу после выпуска из Одесского мединститута. В 1942 году она получила тяжелое ранение и лечилась в г. Джалал-Абад Киргизской ССР. Была награждена особо ценимой среди фронтовиков медалью «За отвагу», которой удостоивали исключительно «...за личное мужество...». Войну закончила майором медицинской службы. О военных заслугах тетя говорила скупно, о войне вспоминать не любила. В январе 2015 г. на сайте «Подвиг народа» я нашел наградные документы, описывающие неизвестные мне черты ее характера: «Ткачук А. В. служит в хирургическом полевом передвижном госпитале с первых дней войны. Бесстрашный врач. Неоднократно проявляла героизм в деле спасения раненых, работала под бомбежками и пулеметными обстрелами авиации противника в пунктах Сальск и Хумалаг (Северная Осетия – и.т.)... При отходе войск из Сальского района (Ростовская обл. – и.т.) под минометным обстрелом противника заменила выбывшего из строя старшего врача 807 артиллерийского полка, организовала перевязочную, оказала медицинскую помощь, мобилизовала транспорт и вывезла всех раненых, сама уйдя последней.

Тетя Леся. Одесса 1941 г.

За период работы госпиталя в станице Черноерковская (Славянский район Краснодарского края – и.т.)...показала образцы хирургической работы. Во время большого потока раненых не выходила из операционной по 20–22 часа, спасая жизни бойцов...»⁴.

Не знаю, было ли известно тётё содержание этого наградного листа. Однако во время нашей последней встречи она ответила на расспросы о событиях лета 1942-го под Сальском коротко: «Вывезла раненых из окружения, когда начальники сбежали». Эти запомнившиеся слова бросают невольную тень на фразу из представления к награде о «выбывшем из строя старшем враче». Впрочем, ответа на возникающие вопросы мы уже не получим.

В 1942 году, при передислокации войск Южного фронта тётя имела возможность увидеться с нами в Ассиновской, но считала, что мы эвакуировались, и встреча не состоялась.

⁴ <http://podvignaroda.mil.ru/?#tab=navResult>

Кстати, окружавшие меня в детстве бывшие фронтовики, о Войне вспоминать тоже не любили. Самым героическим из них мне представлялся Леня Бичурин, приезжавший навещать сестер – наших соседок Марию Павловну, мамину подругу, сотрудницу заводской лаборатории, и Софью Павловну, воспитательницу детсада (из казанских татар). Леня (Леонид Павлович) был фронтовым разведчиком. Надетые по случаю первой встречи ордена и медали с трудом помещались на гимнастерке. Горло бывшего разведчика уродовал вывернутый на сторону кадык – последствие рукопашной с «языком». Коротая с нами вечера на кухне, Леня ни разу не упомянул о своих фронтовых заслугах. Более удивительными для него были детали фронтового быта фашистов: как-то во время рейда его группа захватила штабных офицеров, которые в момент печального, а по большому счету, удачного для них события (уехали в плен, но живыми) спали раздетыми в постелях с бельем, подушками и одеялами. Вспоминая этот рассказ в зрелом возрасте, я уловил в подтексте, как минимум, два значимых для Лени обстоятельства. Во-первых, за время Войны ему, очевидно, ни разу не пришлось спать в постели. Во-вторых, в тот раз группа, скорее всего, брала «языков» на значительном удалении от передовой.

Демобилизовавшись, Леня поступил в горный институт и приезжал на каникулы в красивой форме черного (или темно-синего) цвета, украшенной квадратными погонами с вензелями из желтого металла.

Времена года

Первые воспоминания о зиме связаны с холодным воскресным утром. Очевидно, по окончании войны, так как до этого выходных дней не было. Мама колет щепу для растопки буржуйки с помощью единственного в хозяйстве сточенного до обуха столового ножа с узенькой железной рукояткой и учебной гранаты, заменяющей в хозяйстве молоток. Голова и нос ощутимо мерзнут. Остальное – под одеялом. Оконное стекло покрыто толстым слоем узорчатого льда. Взрослые говорят, что температура опустилась ниже – 30 градусов. После растопки буржуйка и жестяная дымовая труба быстро раскаляются. В комнате сразу теплеет. Я вылезаю наружу и развлекаюсь видом искр, которые появляются при трении щепки о малиновый бок буржуйки. Мама приносит с улицы замерзшего воробья. Он еще живой, но двигается с трудом. Пытаюсь отогреть, завернув в тряпку, но он умирает. Жалко.

Вспоминая это чувство, думаю об особенностях восприятия. Позже, осенью, не помню года, когда ребята из старшей группы детсада во время прогулки ловили воробьев самодельными ловушками и жарили на костре под ненавязчивым присмотром воспитательницы Софьи Павловны их ошипанные тушки, я воспринимал это как естественный способ добычи еды.

Весна связана с посадкой огорода на отведенной для заводчан совхозной земле. Помню наши делянки каждый год на новом месте, в двух – трех километрах от дома. Мы обрабатывали их вдвоем, как минимум, в течение четырех лет, начиная с 1944 года. До этого мама занималась земледелием без меня. Первичный опыт давало сельское детство, а теоретические знания – курс Нежинского огородного техникума. В это учебное заведение она поступила в 1930 г. и окончила 1 марта 1932 г. по специальности техник-огородник (так в свидетельстве). До поступления в институт 3 года работала в совхозе. В последний раз мы получили огород в 1947 году. Моя работа была вспомогательной. Я бросал зерна в выкопанные мамой лунки, а когда мама, выдохшись, ложилась отдохнуть – охранял с хворостиной в руках ее от встречавшихся в тех местах змей, которых.

Летом по окончании рабочего дня на заводе мы дважды раз ходили на прополку. Помню, как в сумерках на обратном пути с огорода гудели усталые ноги. По дороге мама рассказывала о вращении земли. Обрадовавшись новым знаниям, я предложил сесть и подождать пока это вращение привезет нас домой.

В оправдание скажу, что в зрелые годы встречал в некоторых научных исследованиях предложения о внедрении в практику идей, сопоставимых по ценности с моим тогдашним озарением.

Осень время уборки урожая. Дополнительная радость в том, что для перевозки «даров огорода» домой конный двор завода дает запряженную подводу и право управлять лошадиной силой по пути на огород и обратно. Уборка совершается вечером, когда люди и животное закончили работу на заводе. Трудимся вдвоем. Урожай увозим за один рейс. Обратно идем рядом с подводой, жалея изнуренного коня. Показательно, несмотря на голодные военные и близкие к ним годы, случаев воровства с огородов не было.

Из «даров огорода» помню кукурузу и тыкву и подсолнечник. Картошку не сажали, хотя блюда из нее считались лакомством. Все собранное, за исключением стеблей (будылок) кукурузы и подсолнечника, складываем в комнате и чулане. Стебли размещаются в сарае. Кукурузные будылки идут на отопление. Из подсолнечных извлекается белое нутро, пепел которого используется для стирки белья и дает результат, не уступающий теперешним порошкам. Семечки подсолнечника отдаются на маслобойку. Оттуда получаем нашу долю растительного масла. Кукурузные початки хранятся в комнате в деревянном ящике-сундуке. После высыхания зерна «рушатся» сначала большим гвоздем, а затем трением очищенной кочерыжки по частично разрушенному плотному ряду. От этой работы горят ладони. Добытые зерна разма-

льваются на взятой напрокат «крупорушке». Она представляет собой устройство из укрепленного на плахе конического железного восьмигранника высотой сантиметров 30 и диаметром у основания около 8 см., и надевающегося на него цилиндра с ребристой внутренней поверхностью. Снаружи под прямым углом к цилиндру приварена рукоятка. При вращении устройства зерна, измельчаясь, опускаются вниз и, доходя до консистенции крупы, высыпаются на поддон. Работа на «крупорушке» утомительна неровными движениями, требующими дополнительных усилий при каждой новой порции зерна. Не знаю, сколько початков я «порушил» и размолот, но работать приходилось усердно. Крупорушку ждала очередь.

Зимой тыква и кукурузная крупа превращались стараниями мамы в густую кашу и пресные лепешки-чуреки.

В свободные вечера мама читала вслух книжки – раскладки со стихами Чуковского и Маршака. Со временем их сменили Гоголь, Пушкин, Короленко. Четкой системы в чтении не было. Читали то, что удалось раздобыть. Часть книжек мама заблаговременно купила до моего рождения. Другие удавалось взять в порядке очереди в заводской библиотеке. Замечательные книги Жюль-Верна, двухтомник А. Гайдара и рассказы Ю. Сотника прислала из тогдашнего г. Фрунзе (теперь Бишкек) тетя Женя. Она успела выехать туда с семьей из Ростова в 1941 году и оставалась в Киргизии до 1990 года, поры, когда выращенные с ее участием ученые из представителей «титупной нации» ненавязчиво посоветовали бывшей наставнице освободить для них должности на кафедре и в диссертационном совете мединститута.

Присланные тетей книги я читал и перечитывал несколько раз уже самостоятельно.

Однажды маме удалось купить песенник, по которому мы пели по вечерам песни военной поры. Пронзительные образы «Темной ночи» и «Землянки» перекликались с окружавшими реалиями завершавшейся Войны. Та же тесная печурка, пыльный, остро пахнувший бурьян на пустыре, начинавшемся в нескольких шагах от подъезда, свист холодного осеннего ветра в проводах, пропавший без вести на фронте отец...

Детали быта военного времени

Отсутствие в обиходе многих необходимых вещей пробуждало у окружающих изобретательность в духе героев Жюль-Верна и давно забытые навыки. Мужчины, чаще старики, за неимением спичек, вернулись к огниву (кресалу), представляющему собой, согласно энциклопедическому словарю, «стальную пластину для добывания огня путем удара о кремень и применявшемуся с начала железного века». Такой способ добывания огня представлялся куда занимательнее, чем обыденное чирканье спичками. Помню, как «деды», не спеша, доставали из кисетов нарезанные листки газеты для самокруток, которые заполняли табаком-самосадам. Широкое проникновение последнего в число местных огородных культур побудило остряков переиначить название народной песни «Сама садик я садила» на «Самосадик я садила». Затем в дело шли кремень и кресало. Курильщики делились друг с другом тонкостями изготовления трута из древесных грибов. По ходу процесса высекали на распушенный торец трутового жгута искру, которую, следуя рекомендации поэта-декабриста Одоевского, раздували до возгорания (устойчивого тления). В качестве кресала использовались обломки напильников. Кремень отыскивали на Ассе.

Огниво можно было бы заменить зажигалками, которые изготавливались умельцами из механического цеха завода, если бы не одно «но». Камни для зажигалок продавались в Орджоникидзе спекулянтами поштучно, по баснословной цене.

У жилдомовских дровяных сараев имелась самодельная коптильня. Ею по очереди пользовались владельцы свиней, выращенных в тех же сараях. Сооружение представляло собой вырытую в земле печь с отходящей закрытой траншеей, увенчанной вертикально стоящей жестяной трубой, внутрь которой подвешивались окорока. Топилась коптильня заранее припасенными опилками.

Вспоминаю бытовую изобретательность мамы. Она сварила на электрической плитке в нашей комнате, а не на кухне, чтобы не травмировать обоняние соседей, полный таз хозяйственного мыла. Исходное сырье составляли прогорклый жир из заводских отходов и каустическая сода. В густой бежевой массе вспухали и лопались пузыри. Вонь стояла ужасная, даже по тогдашним ощущениям, зато результат получился замечательный. Плодами маминого труда мы пользовались сами и делились с соседями. Наш продукт безошибочно узнавался по периферическим кускам застывшего и затем нарезанного мыльного каравая, повторявшим плавные изгибы варочного таза. Крахмал для хозяйственных нужд изготавливался из картофеля.

Думаю, условия тогдашней жизни вызвали у меня впоследствии горячий интерес и сочувствие к проблемам жизнеустройства героев «Таинственного острова» Жюль – Верна. Описания рационализаторских находок инженера Сайруса Смита я воспринимал в качестве разновидности справочной литературы.

Еще одной памятной находкой мамы стал способ лечения чесотки, которую я получил в результате слишком тесного, в прямом смысле слова, общения с лошадьми на конном дворе завода.

До теперешнего времени официальная медицина лечит эту болезнь путем двухразового втирания в течение 6–8 дней в кожу больного серной мази с добавлением дегтя, свиного сала или вазелина. Помывка и смена белья допускается на 8-й день. Для нас такой способ лечения оборачивался домашним карантином и бельевого катастрофой. Запасов нижней и другой одежды в то время не имелось.

Мама же, по совету знакомых, обошлась единственной процедурой по методу ветеринарного проф. М. П. Демьяновича, разработанному, как я теперь узнал, в 1934 году для лечения лошадей и коров. Известно, что чесотка вызывается микроскопическим клещом, который буравит кожный покров, скрываясь в недоступных для прямого воздействия сверху ходах.

Процесс своего лечения помню хорошо. Я стою в тазу на табуретке в кухне. Мама натирает меня раствором, который, высыхая, покрывает кожу серебристым налетом. Впоследствии я узнал, что это был гипосульфит (принятое в фотографии название кристаллогидрата тиосульфата натрия), известный среди фотографов многих, в том числе и моего, поколений, как закрепитель для фиксации обработанных проявителем негативов (пленок и стеклянных пластинок), а также позитивов (фотографий).

Этап второй. Мама наносит поверх высохшего гипосульфита жидкость, которая соединяясь с белым налетом, порождает жуткую вонь. Правда, никаких болевых ощущений не возникает. Жидкость представляет собой 10 %-й раствор соляной кислоты, которая вкупе с гипосульфитом выделяет сернистый газ. Примененное «химическое оружие» напрочь убивает чесоточных клещей прямо в их убежищах. Больше о чесотке я не вспоминаю.

Наше меню военного времени припоминается в общем. В число деликатесов входили жареная картошка, чуреки, горбушка хлеба, натертая чесноком. Блюда из тыквы удовольствия не доставляли. Только в зрелые годы я признал этот овощ диетическим продуктом. Лакомством был варенец с коричневой пенкой, который мама приносила по воскресеньям с базара в поллитровой банке. Помню американский яичный порошок в украшенных флагом США картонных коробках, сходных по форме, размерам и консистенции с упаковками нынешних стиральных средств. Этот деликатес получили по продуктовой карточке. Из него готовили подобие омлета. Высыпанная в рот ложка этого порошка надолго цементировала язык.

В весенний рацион заводчан и станичников разнообразился вареной черемшой с постным маслом. Растение собирали в лесу. Этим яством я угощался в семьях друзей. Мама не готовила черемшу ни разу, так как по причине чрезвычайно острого обоняния не переносила запах отвара этой разновидности чеснока, происходящего из благородного семейства лилейных.

Необыкновенная чувствительность к запахам сохранилась у мамы до конца дней. В одних случаях это воспринималось это как наказание. В других – способность к распознаванию запахов давала преимущество. Например, на рынке мама до конца жизни безошибочно отбраковывала по запаху овощи, выращенные с избыточным применением химикатов. В случаях, когда возмущенные продавцы пытались опровергать результаты «инспекции», она, потеряв клубни друг о друга, сообщала к тому же вид удобрения или гербицида.

В 40-х годах, во время походов за дровами в лес, мама безошибочно оповещала спутниц о приближении скрытых пригорком или деревьями тогда еще не выселенных чеченцев. Об этом говорили участники топливных экспедиций. В этих случаях, поясняя мама, исключительных способностей не требовалось. Чеченцы, по словам мамы, обрабатывали одежду защитным составом на основе прогорклого подсолнечного масла, тошнотворный запах которого дополнялся застарелым потом и ощущался за добрую сотню метров.

Из еды в детском саду запомнились преимущественно два блюда: ежедневный борщ из опостылевшей кислой капусты и тот же овощ в тушеном виде на второе. До отмены хлебных карточек в 1947 году посетители приносили в детский сад хлеб из дома (если он имелся). Затем этот продукт стал выдаваться без ограничений. Ежедневно перед обедом, несмотря на попытки уклониться, детей заставляли выпить обязательную столовую ложку входившего в рацион рыбьего жира (витаминов Е и Д). На третьи были компот из сухофруктов или «чай» из кипятка, закрашенного жженым сахаром.

Добывание «подножного корма» для общего стола поощрялось поварихой и воспитателями. Весной во время прогулок мы собирали свежую крапиву. Для поддержания соревновательного духа повариха Карамушкина взвешивала плоды трудов на кухонных весах и громко объявляла результаты каждого. Однажды, возвращаясь на обед с прогулки у курганов, наша группа обнаружила в луже на дне временно перекрытого ерика, проложенного вдоль поля опытно-селекционной станции, с десятков рыбин. Вытащить их руками из глинистой скользкой

мути удалось не сразу. Одну поймал и я. Улов был незамедлительно поджарен Карамушкиной, поделен и подан в качестве дополнительного обеденного блюда.

Повариха Карамушкина не только готовила и подавала еду, но и обучала нас основам поведения. Однажды ее возмутил негромкий пук, изданный кем-то из сидевших за столом. Несмотря на требование, виновник не объявился. Тогда повариха, наклонилась к скамье, быстро провела носом вдоль ряда попок, намереваясь обнаружить посторонний душок. Криминалистическая одорология (учение о запахах) на этот раз оказалась бессильной, и мероприятие завершилось общими поучениями.

Надо сказать, несмотря на вольности и изобретательность в добывании еды, ни одного случая пищевых отравлений в детском саду не было.

С игрушками в детском саду дела поначалу обстояли неважно. Время от времени с завода привозили «кубики» – деревянные обрезки из тарного цеха. Из них, в меру фантазий играющих, складывались различные комбинации. Событием стал изготовленный на заводе деревянный танк на колесиках, с жестяной «броней». Открытая сверху башня имела внутри сидение на одного человека. Деревянную пушку танка отломали в первый же день.

Для развития наших творческих способностей ежедневно проводились занятия по «лепке», изготовлению фигурок животных и людей из добытой поблизости желтой глины. О пластилине в то время не слыхали. Периодически организовывались танцевальные занятия. Их музыкальное сопровождение соответствовало наблюдению Карела Гавличека-Боровского, записанному сотней лет ранее: «За высокою горою низкая бывает. У кого оркестра нету, на губах играет». На губах играли воспитатели. Повариха Карамушкина отбивала такт крышками кастрюль. Этот аккомпанемент воспринимался как вполне естественный.

С песнями было проще. Они разучивались в помещении, а затем исполнялись в качестве строевых по пути на прогулки и обратно.

Из нашего репертуара того времени помню: «Марш трактористов» (Ой вы, кони, вы, кони стальные...); «Где ж вы, где ж вы, очи карие?» (Впереди – страна Болгария, позади – река Дунай. В то время я никак не мог понять, что означает слово «позадирека» и как оно связано с Дунаем). Не очень подходила для пешего строя «Терская походная» (Встань, казачка молодая у плетня, проводи меня до солнышка в поход...). Грустные мысли навевают сейчас слова: «Скачут кони из-за Терека – реки. Под копытами дороженька дрожит, едут с песней молодые казаки, в Красной Армии республике служить».

Никуда молодые казаки уже не скачут, как говорят в Одессе. Итогом русофобской политики властей, умышленно подставлявших в 20-е годы безоружных казаков с семьями вооруженным бандитам с гор, а затем продолживших черное дело тихой сапой при Хрущеве, отдавшем в 1957 году Чечне два района Ставропольского края, населенных русскими, стал факт: нет казаков на Тереке. Чеченцы там живут. А станица Ассиновская, основанная русскими, теперь называется Эхой Борзе.

Творческие успехи мы демонстрировали даже на сцене заводского клуба-столовой. Накануне какого-то Нового года я, в качестве представителя младшей группы, декламировал краткий стишок о мухе и варенье и танцевал в костюме Деда Мороза. Танец заканчивался демонстрацией усталости и умышленным падением на пятую точку. Оба номера были встречены аплодисментами. Никакого волнения перед выходом на сцену у меня не было.

Игрушки к Новому году готовились собственными силами детей под руководством воспитателей (их было двое). В качестве материалов использовались бумага, акварельные краски, смоченная в сахарном сиропе вата, высушенная и покрашенная после придания ей различных форм, яблоки, а также завернутые в фольгу грецкие орехи.

Со временем у нас стали появляться фабричные игрушки, кубики с буквами, а в последний год пребывания в саду возник патефон с набором пластинок. Чаще всего детсадовцы просили поставить песню «как матроса замучили» (...Товарищ, не в силах я вахты стоять...).

Году в 1952, в детсад привезли пианино, на котором играла молодая воспитательница Валентина, наша новая соседка по коммуналке. Валя с напарницей, осетинкой Фатимой, а приехали после окончания педагогического училища и заменили наших прежних воспитателей-самоучек. Валя не возражала, если я по пути из школы иногда заходил в детский сад послушать ее игру на этом инструменте.

Друзья

После отъезда из Ассиновской Юры Байтмана моим ближайшим другом и соседом по коммуналке стал Славик Потоцкий. Мы ходили в одну группу детсада, а затем стали одноклассниками и на протяжении 5-ти лет учебы сидели за одной партой. Расстались после моего отъезда в Георгиевск.

Мать Славика, Потоцкая Нина Никифоровна, фельдшер заводского здравпункта, приехала с Урала, спасаясь от голода. Нина Никифоровна рассказывала, что вытаскивала угасавшего Славика с того света внутривенными уколами глюкозы. Отец Славика погиб на фронте.

В свободное время Славик совершали походы по окрестностям заводского поселка, ходили купаться на Ассу или на устроенный в двух километрах восточнее завода пруд, где самостоятельно научились плавать «по-собачьи». Купались, как принято, до синевы и «зубариков» – мелкого клацанья челюстями. Ревизовали заброшенные станичные сады, переходящие в лесной массив. В них попадались замечательные по вкусу груши и яблоки. А далее, в лесу, встречались мушмула и орешки-чинарики. Плоды чинар собирались жителями станицы на продажу. стакан поджаренных чинариков продавался у заводской столовой старушками по цене двух стаканов семечек подсолнечника. Там же на самодельных прилавках стояли стаканы табака-самосада.

Мушмулу, яблоки-кислицу, груши и ужасно горькую дикую черешню завод принимал у жителей за наличный расчет. Эти плоды, кроме мушмулы, несъедобные в натуральном виде, использовались при изготовлении варенья, джема и повидла в качестве природных ароматизаторов и средств желирования.

Время от времени заводская администрация и совхоз приглашали учеников начальных классов, за поденную плату вспомогательные работы. Думаю, руководство рассчитывало возместить недостающее нам умение числом «тружеников». На заводе мы вырезали заточенными обломками ножовочных полотен внутренности болгарского перца для консервов «Перец фаршированный». В совхозе собирали в ящики вишню и черешню.

Дневного заработка едва хватало на кино. Главным стимулом было сознание причастности к совместной всамделишной работе. Рядом трудились описанные Приставкиным детдомовцы. Когда один из них погиб, сорвавшись в ванну с кипятком (как он к ней пробрался, уму непостижимо) детей на заводские работы допускать перестали.

По пути к месту купаний мы иногда забредали в совхозный сад. Охранял его ни разу не встреченный верховой объездчик. Среди сверстников существовало убеждение, что есть фрукты, не вынося за пределы сада, не запрещается.

Прогулочная одежда, как правило, ограничивалась трусами. Майки надевали в тех случаях, когда ожидалась добыча, которую можно положить за пазуху. Случались промашки. Однажды я загрузил в майку золотисто-прозрачные сливы ренклод, которые растеклись по животу медовым содержимым.

Летние прогулки совершались преимущественно босиком. Правда, приходилось внимательно смотреть под ноги из-за колючек, в первую очередь, соединенных плетями «арбузиков», щетинившихся острыми иглами. В случае недосмотра приходилось вытаскивать из подошвы целое семейство этой напасти.

В школьные годы Славик стал удивительным по меткости мастером стрельбы из рогатки. Эти приспособления он изготавливал сначала, как и все, из полос белой резины противогазных масок (их было великое множество, в том числе от противогазов для лошадей). Затем перешел на резиновые трубки фонендоскопа, которые заимствовал в заводском здравпункте. В числе охотничьих трофеев Славика помню самых неожиданных птиц, включая кобчиков, ворон и

соек. Раненых пернатых он заботливо лечил и выпускал на волю, над убитым воробьем сокрушался. Присутствовал в нем некий инстинкт кошки, играющей с мышью.

Пару раз, во время наших походов в лес, Славик пытался подбить коршунов, пикирующих на колхозных цыплят. Птичник располагался на огороженной поляне между южной стеной завода и заброшенными садами. Высмотрев пернатых грабителей, птичницы сгоняли рассыпавшихся цыплят в кучу, отпугивая пикировщиков визгливыми «шу-г-у-у...». Коршунов эти крики пугали слабо. Временами хищники уносили очередного цыпленка чуть ли не из под рук колхозниц. Попытки Славика наказать наглых разбойников птичницы одобрили. Однако подбить их на лету (на землю представители соколиных не садились) Славика оказалось не под силу.

Однажды рогатка Славика, использованная с виртуозным мастерством, сыграла роль нашего орудия возмездия. Но об этом далее.

Я больше интересовался огнестрельными приспособлениями в виде самопалов (потогдашнему, «поджиг» или «поджегушка»). Сначала выменивал поделки у старших ребят. Позже изготавливал сам. Порох (стаканами) добывали у странствующих тряпичников, которые возили на тележках массу других интересных вещей. У них были шаровидные на палочках конфеты цветов радуги, краска с которых мгновенно переходила на язык, и капсулы для охотничьих патронов, которые с треском разбивались на камнях. Иногда «поджиги» разрывались из-за чрезмерного заряда. Некоторые из старших ребят пострадали. Меня Бог миловал.

В пятидесятых годах мать Славика, Нина Никифоровна, вышла замуж вторично. Отчимом Славика стал наш бывший сосед, вдовец Михаил Александрович Виноградов. Участник борьбы с басмачеством и Великой Отечественной войны, награжденный орденом Красной Звезды, который он носил на командирской гимнастерке, подпоясанной офицерским ремнем. Одно время Михаил Александрович возглавлял пожарную охрану завода, но после случившегося в овощном цехе в выходной день пожара, приговора за халатность (на некоторых противопожарных стендах не было топоров, а имевшиеся ведра протекали) и годового пребывания в лагере, стал заведующим заводской столовой. В 50 с лишком лет он был удивительно сильным физически, большим мастером кулинарного дела и энтузиастом приготовления еды не только на работе, но и дома.

Однажды Михаил Александрович заболел малярией приступы которой валили с ног и мучительно терзали этого сильного человека. Надо сказать, благодаря профилактическим мерам эту болезнь ликвидировали в наших краях за пару лет.

Получив образование в объеме 4-х классов церковно-приходской школы, Михаил Александрович играючи «щелкал» наши трудные задачи по арифметике, был начитан и занимался фотографией на профессиональном уровне. Большинство моих детских снимков сделаны его «ФЭДом» или «Фотокором» (со стеклянными пластинками-негативами размером 9 на 12 см.).

Как опытный солдат, Михаил Александрович учил нас со Славиком наматывать портянки, придирчиво проверяя результаты. Эта наука оказалась кстати.

Ко всему сказанному, Михаил Александрович удивлял способностью не спеша прикуривать папиросу от раскаленного древесного уголька, лежащего на собственной ладони. После второго замужества Нины Никифоровны у Славика появилась сводная сестра Мила (дочь Михаила Александровича), с которой я дружил еще до приезда Славика. Она была старше на 4 года и по мере взросления наша дружба увяла.

Виноградовы приехали в станицу из Москвы по смутным причинам. Не исключено, чтобы не попасть «под раздачу» конца 30-х годов.

Помню, Мила рассказывала, что ее покойная мама Людмила Ивановна, работала машинисткой в Кремле и видела самого Сталина. Вождя, по словам Людмилы Ивановны, сопровождал охранник с пронзительным взглядом.

Среди друзей присутствовал Коля Ем из корейской семьи, занимавшей 3-х комнатную квартиру на 1-м этаже нашего подъезда. Его старшие сестры и брат трудились рабочими в тарном цехе завода.

Одну из сестер Николая звали Креча. Некоторое время считалось, что это имя корейского происхождения. Впоследствии выяснилось, что оно выбрано в честь парохода «Керчь», на котором родилась Креча по пути семьи из Кореи в СССР (мать Николая до старости не научилась внятно произносить русские слова). Видно, работников ЗАГСа, оформлявших свидетельство о рождении Кречи, этимология и правильное написание имени, интересовали мало.

Славик, Нина Никифоровна и Мила. 1953 год. Берег заводского пруда

Соседями Емов по лестничной клетке были мои приятели Володя Демченко (сын грузчика транспортного цеха) и Стасик (Сталик) Романовский (сын кочегара заводской котельной).

Удивительные отношения сложились с Жангуровым Антоном Кузьмичом, главным механиком завода, занимавшим вместе с женой Марией Павловной комнату на нашей лестничной площадке. Кузьмич, как его все называли, был на 12 лет старше моего отца. Выше среднего роста, худой, с темным вытянутым лицом, подобным лику деревянного идола, он помнил приезд на завод моих родителей. Жангуров попал в действующую армию в ноябре 1941 года и прошел войну рядовым. Побывал в Берлине. Вернулся с трофеями в виде немецкого мундира, переделанного впоследствии в повседневный костюм, алюминиевой солдатской фляги и котелка, утопленного мною в Ассе на совместной рыбалке. Наград у него я не видел. О войне он не рассказывал. Очевидно, по причине отсутствия героических эпизодов. Теперь, когда наградные документы появились в открытом доступе, я узнал, что в 1945 году его наградили медалью «За боевые заслуги». Из размещенного в Интернете наградного листа следует, что подвиг «красноармейца Жангурова» совершался в дивизионной мастерской, где он «организовал бригады по ремонту кухонь и лужению посуды, изготовил агрегат для сушки и дезинфекции обмундирования в дивизионном прачечном отряде в зимний период 1944–1945 годов, руководил мастерской по изготовлению котелков и фляг из консервных банок и отходов железа, помогал частям в организации бытовых условий бойцов».

Детей у Жангуровых не было, и Кузьмич охотно возился со мной. С восьми лет стал брать меня, Славика, а однажды и Колю Ема, в трех-, а иногда четырехдневные лесные походы на рыбалку. Очевидно, для этого использовались дни отпуска или отгулы. Кузьмич, по национальности коми-зырянин, свободно ориентировался в лесу, знакомил нас с азами жизни на природе, обустройством ночевки у костра. Учил варить похлебку из случайно добытого корма, открыл секреты приготовления пойманной рыбы и печеной в золе картошки. Первые впечатления от ее вкуса мне не испортила даже ночь, проведенная в мокром лыжном костюме из байки. В этой одежде я прыгнул перед вечерним чаем в прибрежную колдобину Ассы вслед за сорвавшимся с руки котелком Кузьмича. Увы, военный трофей старшего друга плыл быстрее.

Этой потерей в тот раз дело не ограничилось. Нас сопровождала собака Веста, ирландский сеттер, принадлежавшая заводскому сварщику Орькову. Эту суетливую рыжую красавицу укусила в морду гадюка. В тот день змеи встречались трижды: в бурьяне у дороги, на толстом стволе дерева (Коля Ем зарубил ее обломком ржавого кинжала, приспособленном для рубки хвороста) и даже в реке. На отмели противная тварь проскользнула между ног, когда я хотел зачерпнуть воды. Щеку Весты раздул флюс. Через некоторое время собака исчезла. Домой мы вернулись без нее, сообщив о происшествии Орькову. К нашей великой радости, Веста, до крайности изможденная, но без флюса, самостоятельно вернулась домой через три дня. Кузьмич пояснил, что она лечилась травами.

Врожденная тяга к перемене мест побуждала Кузьмича периодически кочевать по консервным заводам орджоникидзевского треста. Помню тоскливое чувство, когда Жангуровы, погрузив пожитки на полуполторку, уезжали из Ассиновской в осетинский поселок – теперь город, Ардон на тамошний консервный завод. Зато не было пределов радости при встрече Кузьмича, вернувшегося через год на прежнюю должность. В следующий раз он отбыл в Орджоникидзе в качестве главного механика стеклотарного завода. В тот год летом по приглашению Жангуровых и с согласия мамы я гостил у них в этом городе в течение нескольких дней. Кузьмич и Мария Павловна жили в центре, в комнате пятиэтажного дома, жильцы которого вечерами прогуливались по огороженной перилами плоской бетонированной крыше. В этом доме я впервые увидел санузел. Мария Павловна показывала городские достопримечательности. Кузьмич провел экскурсию по цехам завода. Поразительно выглядели печи для плавки стекла. Металлический пол вибрировал под ногами от гула вентиляторов. Емкость с расплавленным стеклом просматривалась сверху через специальное отверстие. Выходили из форм и плыли по конвейеру только что отлитые трехлитровые баллоны. Первоначально красные сосуды светлели по мере остывания. В конце пути трехпалая металлическая «рука» аккуратно брала готовые емкости за горло и переставляла в штабель. Один рабочий ловко прикурил от красного бока стеклотары самокрутку. Удивительным казалось поведение трехпалой «руки», совершавшей лунатические движения над конвейером даже в отсутствие баллонов. Иногда «рука» промахивалась, и изделие падало на кафельный пол. В этих случаях осколки сбрасывались в печь для повторения цикла.

На заводском дворе Кузьмич позволил исследовать разбитый немецкий танк, из которого, по словам старшего друга, вырезали автогенном куски металла для нужд механического цеха.

Конечной точкой кочевых перемещений Жангуровых стала Республика Коми. Из письма Марии Павловны мы узнали, что Кузьмич умер там в середине 60-х.

Заметное место в детстве занимали няни Вера и Катя Петраченковы. Точнее, нянькой была 14-летняя Вера, напоминавшая лицом васнецовскую Аленушку. Она возилась со мной с грудного возраста до перехода в детсад. Как это сочеталось с яслями, не помню. Очевидно, это было во внеясельное время. Двенадцатилетняя Катя, худенькая лисичка, помогала Вере. Сестры жили с матерью, рабочей завода, в собственной хате в станице. У них имелась корова. Отец нянек, терский казак, погиб на фронте. Иногда девочки приводили меня к себе в гости.

В их саманной хатенке наша компания размещалась на лежанке русской печи. Там Вера и Катя рассказывали страшные сказки и «правдешные» истории о ночных прогулках по улице соседки-ведьмы, превращающейся в тележное колесо.

Однако страшнее сказок мне представлялась висевшая в рамке на стене закопченная картина с изображением гордо выступающего петуха. Не могу сказать, почему алый гребень птицы и перья с золотистым отливом вызывали у меня отчаянный крик. Тем более, что живых петухов я не боялся. Няньки не сразу поняли причину испуга. Впоследствии при моих посещениях они демонстративно запирали петуха в холодное горнило печи и закрывали его задвижкой.

Помню рассказы Веры и Кати о злых ингушах, подстерегавших станичников на общественных огородах в предгорьях. О забитых в головы станичников гвоздях, разрезанных животах, напиханных кукурузными початками, и голове соседа, подброшенной к крыльцу погибшего. Эта часть рассказов, к сожалению, была правдой, что подтвердил в упоминавшейся повести А. Приставкин. Наша дружба с семьей няnek сохранялась и после моего перехода в детский сад. Временами сестры приносили в виде гостинца варенец. Мама поддерживала семью девочек, чем могла.

В 16 лет Вера уехала на работу по вербовке. Помню ее приезд в отпуск. Повзрослевшая Катя поступила работать на завод. Очевидно, я оставался для нее младенцем долгое время. Однажды, подчиняясь уговорам, я до тошноты наелся пенки клубничного варенья, собранной из варочных чанов, которые чистила бывшая нянька. Помнится и другой случай. Летним вечером после окончания 1-го класса, я ждал очереди в душевое отделение заводского санпропускника. Половина душа ремонтировалась. Поэтому мужчины и женщины мылись партиями, попеременно. Проходя по коридору мимо ожидающих мужчин, Катя втянула меня в раздевалку вместе с женской партией. Раздались протестующие возгласы нескольких, по тогдашнему представлению, «тетек». Однако Катя, не обращая на них внимания, помыла меня в общей толчее и отправила одеваться. Как бывшая нянька и ее подруги выглядели без одежды, я внимания не обратил.

Возвращение эвакуированных, денежная реформа и отмена продуктовых карточек

Временами времени в нашем поселке появлялись новые, не похожие на окружающих люди. Однажды «белом доме» поселился чех со странной фамилией Ваш, предмет детских розыгрышей на тему «Ваш дядька».

Сразу после окончания Войны в заводском общежитии периодически останавливались партии эвакуированных, возвращавшихся из-за Каспия вглубь России, а то и за границу, в Польшу. Директор завода лично ездил на станцию и приглашал проезжающих поработать в течение сезона, а заодно вволю поесть овощей и фруктов. В отличие от консервов, на «разъедание сырья» администрация смотрела сквозь пальцы. Какое-то время одну квартиру «красного жилдома» занимала семья польских евреев с длинными пейсами, в широкополых черных шляпах. Вечерние моления иудеев в комнате первого этажа слышались во дворе через открытые окна. Среди этих экзотических людей вертелся мальчик Шмуль. Он был старше меня по возрасту на пару лет. Еврейская бабушка звала мальчика домой протяжным криком: «Шмилькэ-лэ!». Шмуль запомнился по совместным играм и жестокому розыгрышу с участием старших ребят. По первоначальной задумке это была игра «в пиво», которая заключалась в коллективном наполнении стеклянной банки мочой. Цвет и пена получились вполне похожими. На этом развлечение следовало считать завершенным. Однако, когда к играющим подошел не догадывавшийся о сути происходящего Шмуль, у участников действия неожиданно возникла идея продолжить спектакль с участием «дядек, которые пьют пиво». На вопрос, будет ли «дядя Шмуль» пить пиво, мальчик ответил утвердительно. Правда, демонстрация умения не состоялась. Когда жертва обмана поднесла банку к губам, из окна коммунальной кухни раздался отчаянный крик бабушки: «Шмилька-лэ! Не пей! Это сцаки! Сцаки!». Не думаю, что со стороны затейников развлечения это был акт жестокости или недоброжелательности. Скорее, так проявлялось продолжение игровых фантазий. Выдумки сверстников реализовывались в самых неожиданных формах. Однажды ребята из младшей группы детсада уложили на траву ошенившуюся дворняжку, по имени Кукла, и усердно вытягивали губами молоко из ее набухших сосков.

И все-таки, несмотря на очевидную нелепость некоторых ситуаций, наши игры были своеобразным средством адаптации к окружающей действительности. Правда, подражая взрослым, мы не всегда осознавали драматизм событий. Запомнилась антипедагогичная игра на тему: «Давай, ты будешь в тюрьме, а я принесу передачу». Как правило, «передавался» «табак» из перетертого сухого листа подсолнечника.

Порой как игра воспринималась и вовсе трагическая ситуация. Летом 1946 года пьяный казак на свадьбе убил ударом топора мужа маминной подруги Василия Сети (больше людей с такой фамилией я не встречал). Мы с Юрой Байтманом играли в похороны, украшая голову лежавшего на кровати дяди Васи, собранными полевыми цветами. Понятие смерти и расставания навсегда в тот момент было еще за пределами нашего жизненного опыта.

Иногда неприятные последствия некоторых «игр» приходились и на мою долю. Однажды зимой я впервые появился у подъезда дома в офицерской шапке-ушанке из белой овчины. До этого за неимением мужского головного убора приходилось пользоваться маминим шерстяным платком. В упомянутой шапке, привезенной с фронта Михаилом Александровичем Виноградовым, раньше щеголяла его дочь Мила. Мне головной убор достался в результате обмена на мамин платок. Увы, первый выход во двор в офицерской шапке обернулся для горькой обидой. Несколько ребят старшего возраста, притворно восторгаясь моим «военным» видом, предложили надеть на шапку услужливо протянутую красноармейскую каску. Я с готовностью согласился, не обратив внимания на внутренность шлема, покрытую липкой массой. Как выяснилось позже, предмет амуниции использовался в качестве емкости для отработанного автoла.

В результате моей доверчивости шапка мигом потеряла шегольский вид. Отчистить смазку не удалось. Но и другого головного убора не было. Пришлось носить такой. Окружающие на подобные мелочи не обращали внимания. Окружающие ходили, в чем придется. Одна группа эвакуированных женщин выделялась экзотической одеждой – платьями из американских мешков для сахара. Их платья (очевидно, единственные) и белье, помещенные в «вошебойку» – специальную камеру для прожарки, сгорели по недосмотру разгильдяя – прожарщика, пока они мылись в душе. Выйти из санпропускника без одежды пострадавшие не могли. Проблема разрешилась смелым для того времени распоряжением директора. Со склада принесли упомянутые мешки, которые тут же превратились в балахоны с прорезями для головы и рук.

Другое смелое распоряжение директора однажды чуть не обернулось неприятностями для него и моей мамы. Речь шла о решении выдавать кочегарам котельной мясные консервы, оставшихся в банках после взятия проб на бактериологический анализ. Банки числом 5 штук поступали в лабораторию из каждой выпущенной за смену партии. Кто-то донес «органам» о фактах «разъедания» продукции. По установленному порядку содержимое банок после взятия нескольких граммов проб подлежало уничтожению. К счастью, прокурор проявил снисходительность и понимание ситуации. Практика выдачи дополнительного питания работникам тяжелого физического труда продолжилась.

В последний детсадовский год произошло два памятных события: денежная реформа 1947 года и отмена продуктовых (хлебных) карточек.

Замену денежных знаков я воспринял, как исчезновение зеленой трехрублевки с изображением пехотинца и синей «пятерки» с летчиком. Нас с мамой, конфискационные механизмы денежной политики не задели, поскольку, не имея минимальных накоплений, мы жили «от зарплаты до зарплаты». Все наше «состояние» заключалось в облигациях «Государственных займов восстановления и развития народного хозяйства СССР» 1946 и 1947 годов (со сроком погашения 20 лет), на которые инженерно-технический персонал и рабочие завода подписывались «добровольно»⁵.

В те же облигации по «почину» неизвестных энтузиастов обратились также и перечисленные государством на счет Сбербанка (без права снятия), денежные компенсации мамы за 4 отмененных отпуска военной поры. Надо сказать, что упования на возврат заемных денег у большинства окружающих отсутствовали изначально. Об этом можно было судить по тому, что облигации внушительного номинала широко использовались в наших детсадовских играх.

Выплаты по этим государственным обязательствам впоследствии неоднократно переносились «по инициативе миллионов советских людей» (см. доклад Хрущева на 21 съезде КПСС). В итоге астрономические для нас суммы, зафиксированные на красивых бумажках, были деноминированы, и в конце 60-х годов мама получила за все про все около 100 рублей. Ее месячный оклад в то время составлял 120 рублей.

Однако судьбу наших близких друзей реформа исковеркала самым жестоким образом. В лаборатории завода работала мамина подруга – бактериолог Елизавета Антоновна Эрикссон, соседка Жангуровых, одинокая деликатная женщина с гимназическим образованием, читавшая на досуге толстые романы на французском языке. Во время командировок мамы в трест она опекала меня по очереди с женой Кузьмича, Марией Павловной. Родная сестра Елизаветы Антоновны, имени которой вспомнить не могу, была директором Ассиновской опытно-селекционной станции (ОСС) и жила в служебном помещении этой организации. Откуда и при каких обстоятельствах сестры появились в наших краях, не известно. Об их родословной тоже ничего сказать не могу. Иногда мы ходили к сестре Елизаветы Антоновны в гости. Я любил играть с ее овчаркой, которая однажды здорово укусила меня из-за небрежного обращения со

⁵ В расчетной книжке мамы за 1952 год имеются записи о размере оклада в сумме 980 рублей и ежемесячном отчислении на заем суммы 140 рублей. Подоходный налог колебался от 85 руб. 38 коп. до 167 руб.67 коп.

щенками. Несмотря на это недоразумение наша дружба продолжалась. Следы укуса сохранились, однако показывать их не рекомендуют правила приличия.

Наши походы в ОСС кончились после приснопамятной реформы. Сестра Елизаветы Антоновны исчезла. Позже, со слов мамы, я узнал о причине происшедшего. Один из сотрудников станции накануне реформы вернулся с Севера, где в течение нескольких лет зарабатывал деньги на приобретение (или строительство) собственного дома. Его «северные» доходы по условиям реформы должны были превратиться в прах.

Горько жалуясь на злую судьбу, коллега упросил сестру Елизаветы Антоновны обменять накопления на пореформенные рубли из расчета один к одному (вместо одного к трем) под видом средств ОСС. В операции участвовала кассир станции, которая незамедлительно сообщила «куда надо». Сестру Елизаветы Антоновны и ее соучастника осудили на 10 лет лишения свободы каждого. Дальнейшая их судьба не известна.

Отмена карточек, ознаменовалась появлением казенного хлеба в детском саду. Отныне продукт можно было есть до отвала. С этого же времени хлеб потерял качество платежного эквивалента при обмене на другую еду и игрушки.

Первый класс

В сентябре 1948 года вместе со старшей группой детсада я пошел в школу. В первом классе оказалось сорок два ученика. Начальные классы занимали бывший амбар и три станичные хаты. Каждый класс по мере преодоления ступеней школьной иерархии переходил в очередную хату, предназначенную для нового рубежа науки. Пятый и последующие классы обучались в капитальном двухэтажном здании.

Первоклашки начинали с бывшего амбара. Зимой это холодное помещение со щелястым полом отапливалось единственной печью. Ученики и учительница занимались в пальто, с выпростанной правой рукой. Во время перемен одноклассники сбивались к очагу. Однажды наша ученица, Авилова, грея спину у открытой дверцы, выжгла на пальто здоровенную дыру, которую мать зашила видной издали латкой другого цвета.

Из других невзгод припоминается межсезонье, непролазная и чрезвычайно липкая глина по пути в школу и обратно и постоянно сырые ноги. Перед началом учебного года мама заказала вулканизатору из заводского гаража детские резиновые сапоги. Обувь изготавливалась из старых автомобильных камер и выглядела крепкой, однако в первый же день носки в обоих сапогах обнаружилась течь, устранить которую не удалось, несмотря на неоднократную починку. Затем мама купила на рынке в Орджоникидзе сапоги кожаные. Но оказались, что у них была картонная подметка, умело замаскированной смолой. Очередным приобретением стали кирзачи с рыхлым кожаным передом, втягивающим влагу. Проникновению воды слегка препятствовало обильное смазывание тавотом (сорт солидола).

У мамы дела с обувью обстояли лучше. В холодное время года она ходила в фабричных резиновых ботах студенческих времен, внутрь которых вставлялись босоножки. Однажды, зимой 1949 года, мне по настоянию мамы пришлось обуть эти боты, чтобы пойти в заводской клуб на фильм «Повесть о настоящем человеке». Иначе пришлось бы сидеть дома из-за насквозь промокших сапог. Ходьба на каблуках была непривычной. К тому же, я мучительно опасался насмешек. Однако желание посмотреть кино пересилило. Для маскировки я опустил брюки пониже. К счастью, никто из окружающих на меня внимания не обратил. Благо время было темное. Дневных сеансов еще не было.

О тогдашнем состоянии одежды и обуви мамы можно судить по письму отца, датированному февралем 1941 года. Отдавая должное ее стойкости и оптимизму, отец сокрушался, что будучи рядовым красноармейцем, не может помочь в приобретении обновок. Отмечал, что пальто мамы уже два года требует замены и нужны новые боты.

В школе донимала пористая с древесными вкраплениями тетрадная бумага, по которой мгновенно «расползались» чернила, уродуя до неузнаваемости «палочки», «крючки», буквы и цифры. На обороте обложки тетрадей значилось, что они изготовлены на бумажной фабрике в пос. Понинка Полонского района Каменец-Подольской области УССР. В зрелые годы я лично убедился в существовании этого поселка, который в детском сознании стоял в одном ряду с «тридесатым царством». В 70-е годы бумажная фабрика в Понинке (уже Хмельницкой области) обзавелась новым оборудованием и выпускала добротные тетради и блокноты. Приезжая по службе в этот поселок я иногда ночевал в фабричном общежитии.

Светлым пятном в начальной школе была первая учительница Евгения Васильевна Кржымская. Одинокая, доброжелательная и мудрая женщина лет 60-ти. Как попала в станицу, не знаю. Жила в съемной комнате дома, арендованного стансоветом. Однажды мы со Славиком навестили ее дома по забывшейся надобности. Там впервые в жизни увидели и услышали фисгармонию.

Евгения Васильевна учила нас чтению и письму, счету, решению арифметических задач, началам естественных наук. Формировала представления о том, «что такое хорошо» и «что такое плохо». Прививала навыки пения и рисования.

Иногда на уроки пения приходил вооруженный скрипкой учитель Иван Ильич, седенький порывистый старичок из терских казаков. В противоположность Евгении Васильевне с ее «То березка то рябина», Иван Ильич обучал **нас** задорным солдатским песням начала 19-го века, вроде ровесницы изгнания Наполеона «Солдатушки, бравы ребятушки». В эмоциональные моменты учитель выкрикивал слова «руби» или «коли», дополняя их соответствующими движениями смычка.

Игры и другие развлечения

Игры менялись по сезонам. Зимой катались на санях и коньках по льду замерзших оросительных каналов. Ранней весной у глухой торцевой стены «красного» жилдома с прилегающим пятачком асфальта собирались любители «стеночки» (пристенка): игры на деньги. Биты – монеты (увесистые царские пятаки из казачьих сундуков), родительские медали с обломанными проушинами или советские копейки отлетали на расстояние после прицельного удара ребром в кирпичную стенку. Для того, чтобы завладеть отлетевшей монетой требовалось послать вслед за ней битую на расстояние не далее пяди от цели. Результат проверялся растянутыми между монетами большим и указательным пальцами претендента. Если «растяжка» не удавалась, монеты складывались в кон. Хозяином кона становился тот из последующих игроков, кто дотянулся к нему от своей биты. Монеты разного достоинства имели собственные игровые наименования. Десять копеек назывались «синтик», а двадцать «абас». Игра была заведомо несправедливой для малышей. Кроме того, нас со Славиком деньги не интересовали.

Тут же играли в «пушок», он же «шотка» или «жостка». Кусочек овечьей шкуры, утяжеленный расплюснутым свинцовым грузилом, надо было как можно дольше держать на лету, подбивая его ногой. Среди сверстников были виртуозы, ударявшие по «пушку» попеременно внутренней, наружной и передней частью стопы. Рекорд продолжительности поставил Славик. Обутый в литые резиновые сапоги отчима Михалсаныча, он при свидетелях подбил снаряд внутренней поверхностью стопы ровно 1000 раз без остановки. После этого его скрутила хромота и Нина Никифоровна не на шутку испугалась возможной паховой грыжи. Однако, обошлось.

В школьных коридорах в распутицу шла игра «в перышки». Предметом игры служили купленные в сельпо стальные перья для ученических ручек. Выигрывал тот, кому удавалось специальным щелчком перевернуть перо соперника в нужное положение. Проигрышная позиция пера именовалась «цика». Побеждал тот, кому удалось добиться положения «тапа».

По мере высыхания поляны между домами начинались игры в чижик, ловитки (пятнашки), слона (с запрыгиванием одной команды на спины другой), прятки и т. д.

Весной, с появлением свежих побегов вербы, наступал сезон изготовления свистков. Кожица ветки дерева оббивалась рукояткой купленного в сельпо примитивного складного ножа и аккуратно снималась с заготовки. Затем в древесине вырезалась выемка соответствующего размера и конфигурации (их надо было угадать), переходящая в паз, соединявший ее с импровизированным мундштуком. В завершение кожица с прорезанным напротив выемки отверстием возвращалась на древесную основу. Можно было свистеть. У меня эти изделия получались неплохо. Кроме того, я научился делать свистки и из обрезков жести, которых в нашем распоряжении было изрядное количество.

Самым привлекательным развлечением считались поездки на заводских грузовиках в летнее время. Несколько раз я со Славиком и в одиночку ездил со знакомыми шоферами на станцию Серноводск. Исследуя окрестности, мы, в первую очередь, осмотрели беседку-ротонду, одиноко стоявшую на склоне хребта. Это, представлявшееся таинственным, сооружение белого цвета просматривалось из окна нашей коммунальной кухни. При ближайшем рассмотрении его назначение осталось по-прежнему непонятным, не имеющим практического смысла.

Очевидно, построенная до Войны ротонда входила в типовой набор курортной архитектуры, однако немногочисленных отдыхающих не интересовала и оказалась невостребованной. Комплекс помещений санатория располагался ниже железнодорожной станции, в стороне от беседки. Выше, за холмом, работало ванное отделение. Неподалеку из-под валунов била струя горячей серной воды, стекавшей в каскад бетонных ям. Пропустить возможность искупаться

мы не могли и выбрали для этой цели яму подальше от валунов. Температурой вода напоминала градирню, однако отличалась тухлым запахом. По словам местных жителей, к источнику стремились не только люди, но и змеи. То ли погреться, то ли поправить здоровье.

Из других самостоятельных путешествий запомнилась поездка в райцентр – станицу Слепцовскую, располагавшуюся в 18 километрах от завода. Зачем я туда поехал, не помню. Скорее, хотел прокатиться. Когда шофер остановился в центре станицы, я спрыгнул с кузова на землю, зацепившись за торчавший болт правой «трусиной». Единственный на тот момент предмет одежды (я был без майки) разорвался до поясной резинки. Шофер поехал дальше. Возвращения машины пришлось ждать пару часов. Гуляя по центру, я маскировал случившуюся катастрофу набором уловов, полагая, что никто из окружающих не обращает на меня внимания. Однако это было не так. Кто-то из очевидцев променада вскоре рассказал о нем маме.

Поездка в Носовку. Родственники мамы

Весной 1949 года, накануне окончания 1-го класса, мама договорилась учительницей Евгенией Васильевной и мы поехали на 2 недели на Украину в с. Носовку Черниговской области. Там жила Лебедева Наталья Васильевна, учительница немецкого языка, родная сестра маминой мамы, которая умерла в 1917 году.

Мамина мама

Наталья Васильевна вышла замуж за вдового дедушку – учителя русского языка Стегайло Алексея Александровича, и взяла на себя воспитание детей покойной сестры: трех дочерей – Евгению 1909, Татьяну 1911, Людмилу (маму) 1914 и сына, по имени Глеб, 1916 года рождения.

О дедушке Стегайло А. А. известно немного. Со слов мамы знаю, что он родился в Носовке Черниговской губернии. До начала Первой мировой войны вместе с семьей жил в Ковно (Каунасе) и возглавлял систему народного просвещения губернии. Имел статский чин соответствующий, согласно табели о рангах, генеральскому.

Дедушка Стегайло, 1917 г.

В Ковно родилась мама, ее сестры и брат. С началом Первой мировой семья выехала в Харьков. Оттуда в 1919 году, спасаясь от голода, уехала в Носовку. В Харькове, ставшем к тому времени столицей Украины, осталась благоустроенная квартира. Несмотря на прежнее обеспеченное положение, дедушка Стегайло владел полезными ремесленными навыками. Во время гражданской войны шил добротную обувь членам семьи. Дополнительный доход давали частные уроки для детей окрестных хуторян-кулаков. В годы гражданской войны дедушка спасал от петлюровцев еврейских малышей, выдавая их за собственных детей. Мама рассказывала, что орава из четверых своих и трех еврейских детишек спала вперемешку на кошме. К счастью, проверявшие дом петлюровцы не рассматривали малышку детально. Еврейские девочки отличались семитскими чертами. В советские годы дедушка любил путешествовать. В 1938 году вместе с мамой прошел пешком и на лодках туристический маршрут на Алтае, в том числе по реке Катунь.

Из сохранившегося у мамы пригласительного билета известно, что 7 ноября 1940 года в Носовской средней школе отмечался 40-летний юбилей педагогической работы Стегайло А. А.

В одном из писем маме отец туманно упомянул о достоинствах именитого рода Стегайло, представители которого не признаются в том, что переживают трудные времена. В алфавитном списке дворян, внесенных в родословную книгу Черниговской губернии, среди прочих родов упоминаются «Стегайлы». Имеют ли они отношение к семье мамы, не известно.

Пытаясь добыть дополнительные сведения о бабушке, я обратился в Государственный исторический архив Литвы. Получил ответ на русском языке. Архивисты обещали провести поиск сведений о семье: о роде занятий или сословии родителей, рождении детей и пр.

В этих целях «труженики архива» планировали перелопатить в течение года «метрические книги о рождении, бракосочетании и смерти 4-х православных церквей г. Ковно (Каунаса) за 1854–1914 гг.». Стартовый сигнал для поиска ожидался в виде предоплаты в долларах США. Деньги перевел, о чем получил подтверждение, однако, даже по прошествии двух лет обещанных сведений не получил. На вопрос о ходе работы некая Неринга Чешкявичюте, внезапно забыв русский язык, ответила по-английски (спасибо, что не по-литовски): «Проводится».

Ждем-с.

О родителях маминой мамы известно еще меньше. Со слов мамы, дедушка **был** наборщиком типографии во Пскове.

К началу 40-х годов дедушка Стегайло с бабушкой Натальей оставались в Носовке вдвоем. Дети ушли в самостоятельную жизнь по окончании 7 класса неполной средней школы. Евгения (тетя Женя) поступила в медицинское училище, работала фельдшером в шахтерском поселке Донбасса, родила сына Алексея (будущего офицера, погибшего в горах Тянь-Шаня 1953 году), а затем продолжила образование в Ростовском медицинском институте. Татьяна (тетя Таня) и мама учились в Нежинском огородном техникуме. По завершении учебы тетя Таня поступила в сельхозинститут (став со временем селекционером, лауреатом всесоюзных премий), а мама, поработав 3 года в совхозе, поступила в Одесский технологический институт консервной промышленности. Глеб уехал в 1938 году по комсомольскому призыву рабочих на шахты Донбасса и пропал без вести в пути. Последующие в разное время розыски ничего не дали.

С началом войны дедушка и тетя мамы Наталья Васильевна, бросив в Носовке дом и другое имущество, включая библиотеку и коллекцию грампластинок с записями музыкальной классики, эвакуировались в Киргизию. Предусмотрительная бабушка Наталья обособленно опасалась, что немцы заставят ее работать переводчицей. Бабушке Наталье удалось вынести тяготы эвакуации, однако дедушка, заболев в пути дизентерией, умер 16 декабря 1941 года 65 лет от роду и похоронен в с. Кзыл-Кишлак Сайрамского района Южно-Казахстанской области.

Из семейных воспоминаний знаю, что в носовской средней школе у бабушки учился Роман Андреевич Руденко – Генеральный прокурор СССР с 1953 по 1981 год. Памятливые односельчане не забыли, что родной брат Романа в пьяном угаре зарубил жену топором и бросил тело погибшей в колодец. Однако это событие не помешало будущей юридической карьере Р. А. Руденко. Тут «брат за брата не ответил». В 60-е годы подходы к дефектам родственников биографии изменились. Моего однокурсника Володю Федоренко после окончания юридического факультета Ростовского-на-Дону университета в 1966 году не приняли на службу в милицию из-за довоенной судимости отца за хулиганство. Отец ушел на фронт и там погиб до рождения Володи. Неисповедимы зигзаги бюрократической мысли.

Наш железнодорожный маршрут на родину мамы выглядел так: станция Серноводская – Ростов-на-Дону-Харьков-Киев-Носовка. В Ростове провели день в ожидании поезда. Город запомнился разбомбленным зданием вокзала и площадью перед центральным рынком. Там экскаватор при нас вскрыл подвал разрушенного бомбой дома. Открылось убежище времен войны, заполненное останками мирных жителей.

Харьков сохранился в памяти в виде политой дождем вечерней улицы, на которой я впервые в жизни увидел детскую коляску, да еще с закрывающимся верхом. В Киеве остановились на ночь у друзей бабушки (отца мамы) в частном домике на берегу Днепра. Из зрительных впечатлений помню панораму реки в утреннем тумане и привокзальную площадь с множеством легковушек иностранного происхождения.

Яркое впечатление осталось от посещения всенощной в храме вместе с мальчиком из семьи бесплатных квартирантов бабушки Натальи. Наказанием за праздное любопытство оказался воск свечей прихожан, закапавший мою прическу. Не думаю, что молящиеся, под руками которых мы сновали, роняли капли специально. Но и осмотрительности они тоже не проявляли.

Школьные каникулы

Первые 20 с лишком дней летних каникул, с первого по четвертый класс включительно проходили в пионерском лагере в с. Чишки в Аргунском ущелье. Там же обреталось большинство заводских сверстников и, конечно, Славик. В памяти остались ущелья с каменными осыпями, сходящиеся к видневшемуся далеко внизу мосту, родник с ледяной водой на спуске к шумному Аргуну, два озера с голубой сладковатой на вкус водой в лесных окрестностях лагеря. Купаться в Аргуне категорически запрещалось из-за мощного течения. Временами из серой воды появлялись перекатывающиеся валуны. Для купаний использовались озера и приток с незаметным течением.

Два раза за смену приезжала кинопередвижка с одним проектором и собственным электрогенератором. Кинопоказ проходил под открытым небом и поэтому начинался после наступления темноты.

С такой же регулярностью в лагерь прибывал «помывочный» автопоезд из военизированного вида цистерн и мобильных водогрейных агрегатов. Группа приехавших теток раздевала младшие отряды догола и мыла за метровой высоты дощатыми щитами, установленными на асфальтированном пятачке.

Старшие отряды жили в военных палатках на 20 человек с поднимающимися в дневное время боковинами. Младшие размещались в пустовавших мазанках выселенных чеченцев. Кормили четыре раза в день вкусно и до отвала. Желающие получали добавку. Вкус манной каши, бутербродов с маслом и вареным яйцом и теплого сладкого чая на ужин в эмалированных металлических кружках с ностальгией вспоминаю до сих пор.

Распорядок лагерной жизни с утренними и вечерними линейками, дневными «мероприятиями», подготовкой к церемониям открытия и закрытия смены, репетициями номеров самодеятельности не казался обременительным. При желании можно было ненадолго улизнуть в ущелье к Аргуну или в лес. Интересно было общение с новыми ребятами из незнакомых мест. Однажды появилась многочисленная группа маленьких азербайджанцев, которые вместе с приехавшим с ними воспитателем пели хором песню нефтяника с припевом «Богата нефтью страна родная, земля родная – Азербайджан».

На территории лагеря у столовой стоял питьевой фонтанчик с непрерывно бьющей из него высотой 40–50 см. струей теплой воды. Мы предпочитали ходить за водой к роднику. Правда, спускаться в ущелье можно было только в дневное время. После наступления сумерек тропинку скрытно перекрывали солдаты. Я убедился в этом лично, когда боец в распахнутой плащ-накидке, с автоматом на груди и двумя «лимонками» на поясе, выйдя из кустов, «шуганул» меня обратно в лагерь.

Случайно обнаруженная мною охрана удивления не вызвала. Из рассказов старших было известно о том, что 5 лет назад (в 1944 году) скрывавшиеся в горах бандиты убили воспитанников и персонал детского дома, располагавшегося неподалеку от станицы Ассиновской (этот случай описал А. Приставкин). А в нашу смену в 1949 году в прилегающем к лагерю ущелье шел бой с автоматными очередями и взрывами гранат. Стрельба и взрывы вызвали неожиданную реакцию Славика. В то время как остальные ребята рвались к ущелью «посмотреть», он улегся на кровать, накрыл голову подушкой и монотонно повторял: «Хочу домой, ... хочу домой».

К слову о фонтанчике. У него было дополнительное предназначение. Наши умельцы умудрялись «поставить» на струю плод алычи, который, вращаясь, держался в потоке в течение дня. У меня такой фокус не получился ни разу.

Показателем нашего оздоровления в то время считался набор веса. По этой причине пионеров тщательно взвешивали по приезду и по окончании смены. Тех, кто «поправился» на

килограмм и больше, ставили в пример остальным. Мне больше килограмма набрать не удалось.

Оставшиеся за вычетом пребывания в Чишках каникулярные дни проводились по собственному усмотрению. Как правило, утро начиналось с утреннего сбора сверстников на поляне между «красным» и «белым» домами. Там стояли вкопанные в землю брусья из сваренных труб, турник и металлические столбы для волейбольной сетки. Рядом пасся клан ишаков, на которых мы временами времени пытались кататься.

Между ишаками и заводским гудком присутствовала страстная и необъяснимая связь. Уловив первые вибрации вылетающего пара, ишаки задирали головы и подключались к нарастающему реву «старшего брата» рыдающе – икающими воплями вплоть до полного затухания металлической глотки. Особенность отношений между гудком и ишаками подтверждалась во время ремонта котельного цеха. В этот период рев гудка заменялся жидким визгом заводской сирены, который ишаки презрительно игнорировали. Со стороны поляны на крышу нашего дома можно было взобраться по металлической пожарной лестнице. Прогулки по крыше и чердаку также входили в число наших развлечений. Правда, верхние крепления лестницы свободно выдвигались из отверстий в стене по причине разрушения цементных стяжек, и при перешагивании с нее на крышу сооружение отклонялось назад на полшага между последней перекладиной и стеной. Мысль о том, что лестница может упасть, казалась невероятной, хотя пару раз это событие виделось во сне. Сны оказались вещими. Лестница, в конце – концов, отошла от стены, согнулась посередине и приникла верхушкой к земле. Однако тяжелых последствий не случилось, поскольку нижняя часть оставалась замурованной в бетоне. Кто присутствовал в момент «складывания» на вершине сооружения, не знаю. Произошло это событие уже после нашего переезда в Георгиевск. Я видел эту странную металлическую фигуру во время весенних каникул 1955 года, когда приехал в гости к Виноградовым. Встреча со Славиком в тот раз стала последней. В 1957 году, будучи учеником 10-го класса, друг детства умер от лейкемии.

На междомовой поляне наша ватага намечала маршрут дневного похода по окрестностям. Целью, как правило, было добывание фруктов или ягод в заброшенных садах. Перед походом старшие нудно играли в карты. С тех пор я испытываю стойкое отвращение к этому занятию. Кто-то скручивал самокрутки из самосада. Учили курить младших, которым следовало набрать в рот дыма и произнести на вдохе: «И-и-и..., а где мой ишак?». Мне хватило одной такой затяжки на много лет вперед.

На обратном пути ватага купалась в реке, каналах или в заводском пруду.

В период сезона уборки зеленого горошка, который в то время возили на завод вместе с ботвой, развлечением было нападение на машины с абордажными крюками из толстой проволоки. Компания ушкуйников поджидала транспорт у южных ворот. Сдернутые с груженых верхом машин охапки гороха налетчики обрабатывали быстрее, чем заводские молотилки.

Однажды, еще в дошкольном возрасте, сбежав из детсада, я провел день за этими увлекательными занятиями. Вечером был отшлепан по задку, однако это наказание не испортило впечатление от удовольствия, полученного в процессе добычи и поедания нежных и сладких зерен.

Захватывающий интерес вызывало появление каждое лето на станичном выгоне, бывшем аэродроме «ночных ведьм», самолета сельхозавиации. Это был тот же древесно-полотняный У-2, снабженный приспособлениями для опрыскивания полей химикатами.

Можно было днями наблюдать с расстояния нескольких метров взлеты и посадки биплана, полет на «бреющем» и периодически появляющийся за самолетом белесый шлейф.

Ласкающие слух диалоги пилота и доворачивающего винт до нужного положения техника стали нашими поговорками:

– Контакт!

- Есть контакт!
- От винта!

Первые конвульсивные обороты винта сопровождались булькающими звуками, которые через мгновения переходили в оглушительный треск. Винт превращался в прозрачный круг и самолет выруливал к месту старта.

Некоторым из приятелей повезло прокатиться во второй кабине сельхоз-кукурузника. До меня очередь, к сожалению, не дошла.

Завершение учебы в Ассиновской

С первого по пятый класс включительно я учился без затруднений, хотя до «круглого отличника» не дотягивал. В начале четвертого учебного года вместе с Евгенией Васильевной класс в течение недели собирал хлопок на колхозных полях. Очевидно, культура выращивалась в нашем регионе в качестве эксперимента. Работа была нетрудной, но монотонной. В обеденное время с колхозной кухни приезжала телега с наваристым борщом, вторым блюдом (кажется, гуляшом) и компотом. Кроме того, кухня пекла вкуснейший хлеб, который попадал к обеду еще горячим.

Вес собранного хлопка записывался на именные счета каждого ученика. По итогам работы мы получили весомые, по нашим представлениям, суммы (размеры, к сожалению, стерлись из памяти). Помню, что часть денег по совету учительницы отдали в «общий котел» на покупку чернильниц для класса. До этого каждый ежедневно носил эти коварные сосуды из дома. Девочки в специальных мешочках, а мальчишки, особенно зимой, в карманах. Само собой, чернила из фаянсовых и пластмассовых «непроливаек» обильно текли в карманы пальто и беспрепятственно проникали до тела.

Злой напастью для меня и Славика стал станичный выродок по фамилии Соковой, успешный ко времени нашей учебы в 3-м классе вернуться из воспитательной колонии. Этот пакостный тип шлялся по улицам, поджидая окончания уроков, и перехватывал возвращавшихся школьников младших классов, вымогая у них вещи и деньги. Нас со Славиком он преследовал чаще других, очевидно считая наиболее имущими. Поскольку денег у нас не было, требовал принести дань на следующий день, угрожая побоями. Для убедительности сопровождал требования затрещинами и шалабанами. Рассказывать об этой напасти дома мы стыдились. Однако, брать для Сокового деньги из дома в голову тоже не приходило. Чтобы избежать встреч с этим гопником, мы ежедневно меняли улицы. Но обойти его удавалось редко. Однажды в мае, не дождавшись выкупа, этот гнус отвесил нам по ощутимой оплеухе. Пообещав «добавить» завтра, Соковой пошел в сторону школы. И тут Славик, совершил неожиданный поступок. Достал из портфеля рогатку, вложил в «кожеток» круглый гольш из карманного запаса и, растянув резину до предела, выстрелил в сторону станичного дегенерата «навесом», в зенит. Скорее, это было проявлением бессильного отчаяния. Однако за траекторией гольша мы наблюдали с интересом. Соковой отошел метров на 30, когда снаряд накрыл его в темя. Он схватился за непокрытую голову и стал отвешивать нелепые поклоны. Не дожидаясь завершения пантомимы, мы юркнули в переулочек. Понял ли Соковой, «что это было», не известно. Через день после этого события его увез в неведомые дали участковый милиционер Зайцев.

Окончание 4-го класса я связывал с мечтой поступить в Орджоникидзевское суворовское училище. Желание стать военным появилось в раннем детстве. Сказывалась атмосфера уважения к фронтовикам, фильмы и книги. Мама не поддавалась уговорам, а затем оставила окончательное решение на волю бабушки Ткачука. Его ответ на письмо мамы поставил на моем желании крест. Дедушка Василий Никонович писал, что родня способна воспитать и вырастить меня своими силами. Позже я усмотрел в ответе бабушки неявный упрек маме.

По стечению обстоятельств, в зрелые годы мне довелось проходить совместную службу с двумя бывшими суворовцами Орджоникидзевского училища тех времен. Добрые отношения между этими ребятами подкреплялись совместными воспоминаниями об училище, моем несбывшемся желании. А в 60-е годы я познакомился и близко подружился с семьей, к сожалению, уже покойного тогдашнего начальника училища генерал-майора М. М. Филиппова. Эта дружба сохранилась по настоящее время.

Пятый класс запомнился теплым сухим помещением с большими окнами, дежурными по школе, проверявшими чистоту подошв в сырую погоду (о сменной обуви тогда не слыхали),

усиленными тренировками в беге на 60 метров, чтобы получить значок БГТО (младший брат ГТО) и парфюмерным запахом кустов жасмина в школьном дворе в дни экзаменов.

5 марта 1953 года умер Сталин. На заводе, в станице и в школе проходили траурные мероприятия. Возле бюста покойного в центре станицы стояли в почетном карауле допризывники с винтовками черного цвета (специальной окраской учебных трехлинейек). Минуты похорон, о которых оповестил надрывный заводской гудок, застали нас со Славиком на станичном выгоне по пути из школы домой. Соблюдая заранее объявленный ритуал, мы замерли и честно провели без движения время гудка.

Наш пятый (1952–1953 г.) впервые в ассиновской средней школе приступил к изучению английского языка. Предшественники учили немецкий. Фамилии и имени «англичанки» не помню, где она училась, не знаю, но выяснилось, что знала она English слабовато. Печальные результаты ее преподавания зафиксировал на первом же уроке английского в Георгиевске наш молодой с рекламной внешностью «англичанин» Евгений. В ответ на требование написать на доске и озвучить знаки транскрипции я доверчиво пояснил, что этого раздела курса не знаю, так как наша прежняя учительница отложила его до 6-го класса. «Англичанин» произнес по-русски слово «врун» и поставил в журнал первую за школьные годы «двойку». И это было только начало.

По окончании пятого класса мама отправила меня в незнакомый пионерский лагерь на окраине Орджоникидзе. Позже стало известно, что это было сделано в расчете на предполагаемый переезд в г. Георгиевск Ставропольского края, дорога к которому шла через Орджоникидзе.

Лагерь занимал территорию неработавшего в межсезонье спиртзавода. Жилые помещения отрядов размещались в административных корпусах верхней части территории на правом берегу Терека. Однако столовую оборудовали внизу, в помещении склада, неподалеку от каменного русла реки. Туда вела деревянная лестница в четыре или пять пролетов.

В середине смены после нескольких дождливых дней река поднялась, образовав дополнительный рукав, который отрезал жилой дом, стоявший на возвышении недалеко от столовой. С верхней площадки лагеря были видны сидевшие на крыше дома люди. За ними беспомощно наблюдала многочисленная группа мужчин в милицейской и пожарной форме.

Терек нес вывернутые с корнями деревья и обломки строений. Плавучими и другими средствами помощи в этой ситуации власти не располагали. К счастью, вода постепенно пошла на спад и дом устоял. Правда, ужин в этот день выдали сухим пайком. Столовая не работала.

Администрация периодически организовывала пешие походы в Дарьяльское ущелье и поездки в город. На экскурсии в городской парк Орджоникидзе впервые прыгнул с парашютной вышки. Не поддающееся здравому смыслу опасение вызывала неустойчиво хлипкая ступенька на краю верхней площадки. Постарался «нырнуть» с нее поскорее. Билет на прыжок стоил один рубль. Ознакомительный подъем – 50 копеек.

На концерте самодеятельности по случаю закрытия смены из нашего отряда выступили сосед по палате (имени не помню), зажигательно танцевавший на пуантах национальный осетинский танец, и девочка, звонко певшая частушки на злободневные политические события. Тексты задорных куплетов в духе фильма «Покровские ворота», певица получила от организаторов концерта. Запомнились слова: «Три-та ти-та, три-та ти-та, посмотрите – ка на Тито. Он скатился с Уолл-стрита, дальше нет ему пути...».

Машина, отвозившая нас в Георгиевск, заехала в лагерь на следующий день после концерта. Дата этого события (10 июля 1953 г.) запомнилась легко. В этот день было объявлено об аресте «английского шпиона» Л. П. Берия. На улице города Орджоникидзе наблюдал из нашего остановившегося грузовика старуху, громко причитавшую на тему «Боже, кому же теперь верить!»

Георгиевск

В Георгиевск мы ехали на заводской автомашине «ГАЗ-51». Наше имущество поместилось в деревянный ящик, изготовленный в упомянутом тарном цехе Ассиновского завода. Впоследствии до 1965 года этот ящик использовался для хозяйственных нужд и стоял на кухне сначала в Георгиевске, а затем в г. Крымске Краснодарского края. Верхняя крышка этого ящика, покрытая клеенкой, использовалась в качестве разделочного стола.

Перевод состоялся по инициативе мамы, которая хотела продолжения моей учебы в городской (не станичной) школе. Кто мог предвидеть, в какую педагогическую помойку я попаду? Впоследствии выяснилось, что качество образования в Ассиновской средней школе было достаточным для поступления выпускников в популярные технические вузы без дополнительной подготовки и репетиторов.

К нашему новому жилью мы подъехали в сумерки. Это был одноэтажный коттедж на две квартиры с небольшим асфальтированным двором и сараями, примыкавшими к забору консервного завода. В одной половине строения жили главный инженер предприятия Гелюх с женой и сыном Алексеем, окончившим 9-й класс. Вторую половину наша семья делила с санитарным врачом завода, молодой незамужней Зоей (фамилии не помню). Наше жилье состояло из комнаты площадью 12 кв.м. и кухни, оборудованной кирпичной печью с варочной плитой. Напротив печи на табуретке с вертикально прибитой доской располагался умывальник «соскового типа». Воду брали в колонке за воротами.

Десятиметровая комната Зои отапливалась печью, подобной нашей. Отдельной кухни соседка не имела. Новый 1954 год Зоя с друзьями из-за тесноты жилья санврача по предложению мамы встречали у нас.

Дощатый туалет на два отделения располагался в тылу двора напротив входа в нашу половину коттеджа. Одно отделение «приватизированное» Гелюхами, запиралось на навесной замок.

Часть улицы Красноармейской, на которой стоял наш коттедж, оканчивалась тупиком, переходящим в круто опускающийся склон с пешеходной тропинкой. Сверху просматривалась текущая из Пятигорска мелководная река Подкумок, заречные заросли кустарника, который местные жители по недоразумению называли лесом. Далее шли бесконечные поля.

Из исторических хроник известно, что в прошлом город знавал лучшие времена. В 1783 году в нем был заключен Георгиевский трактат между Россией и Грузией. Расцвет пришелся на начало XIX в. Город стал центром шёлковой промышленности и местом проведения крупнейших на Северном Кавказе ярмарок. С 1802 по 1824 год Георгиевск приобрел правовое положение административного центра Кавказской губернии. Затем уступив этот статус Ставрополю, вернулся в рамки уездного центра.

Забегая вперед, скажу, что никто из моего тогдашнего уличного и школьного окружения об этих знаменательных фактах ни малейшего представления не имел. На уроках истории (предмет преподавал директор школы, которая теперь носит его имя) об этом речи не было. В числе достопримечательностей, упоминаемых на школьных уроках, с гордостью назывались 13 заводов. В лидерах числился арматурный, изготавливавший запорные устройства – задвижки (вентили) на трубы большого диаметра. Из собственных наблюдений и общения с новыми друзьями я узнал о существовании в городе, кроме общеобразовательных школ, ремесленного училища («Ремеслухи»). «Ремесленников» было видно издали по добротной парадной форме из черного сукна или повседневным гимнастеркам из Х/Б синего цвета. В этом училище получил профессию формовщика сосед по улице и товарищ Володя Шкавров (Шкавря). В 1954 и 1955 годах на танцах в городском Доме культуры дважды происходили массовые драки с поножовщиной между «городскими» и «ремесленниками». Начинали «городские». «Ремесленники»

брали верх быстро собранным резервом и напором. «Городские» позорно убегали из ДК через пролом в крыше. В обоих случаях не обошлось без трупов.

В городе размещались тюрьма (следственный изолятор) и колония для несовершеннолетних, а в 7 километрах в направлении Прохладного – исправительно-трудовая колония для взрослых. Освободившиеся из нее граждане для получения прописки поступали на арматурный завод, однако рабочее время, как правило, проводили вне трудового коллектива, «гастролируя» в недалеко расположенных курортных городах Пятигорске, Кисловодске, Ессентуках и Железноводске.

Криминальная обстановка в городе была напряженной. Грабежи и разбои случались систематически. В сентябре 1954 г. проживавший на нашей улице терапевт районной поликлиники по фамилии Кугук, защищался от лезшего ночью в окно его квартиры вооруженного финкой домовщика. Сначала экулап сделал предупредительный выстрел из охотничьего ружья. Однако «визитер» не остановился. Терапевт уложил его выстрелом в грудь из второго ствола. Лужа запекшейся крови у двора терапевта оставалась в течение дня. Милиция к врачу претензий не имела. Погибшего знали «с нехорошей стороны».

С Кугуком, несмотря на разницу в возрасте, мы позже сблизились на почве увлечения мотоциклами. Будучи охотником и рыбаком, он купил для выездов на природу «Макаку» – мотоцикл К-125, но не имел ни навыков управления, ни и представлений о его обслуживании. Кажется странным, но получилось так, что основную часть полезных знаний в этой области врач получил от меня.

Об убитом уголовнике разговоров между нами не было.

В короткое время после новоселья я объездил на велосипеде город, спустился по мощенной бульжником трассе, проходящей мимо ворот консервного завода, к Подкумку, покатался по тропинкам «леса» и испытал сильное желание вернуться в Ассиновскую к ее природе и друзьям. Дальнейшие события это желание только усилили.

СШ № 1

Накануне начала учебного года мама пыталась определить меня в ближайшую к дому мужскую школу № 1. Раздельная учеба мальчиков и девочек доживала последний год. Директор СШ-1 А. К. Просоедов, по прозвищу «Шишкин», (о чем стало известно позже) наотрез отказался принимать еще одного (сорок третьего по счету) ученика в единственный 6-й класс. Советовал записаться в школу № 6 на противоположной окраине города. После вступления в уговоры директора консервного завода Никифорова я пошел на собеседование к «Шишкину», носившему это прозвище из-за лишенного волос конического нароста на курчавом темени. «Шишкин» встретил меня с откровенной неприязнью. Сообщил, что примет в школу условно и потребовал остричься наголо к началу занятий.

Стрижка, проходившая в центральной парикмахерской, запомнилась двумя обстоятельствами. Машинка с ручным толкателем, которой оперировала толстая армянка, не столько стригла, сколько выдергивала волосы. В это время свободные парикмахеры – армяне, обсуждали заявление по радио накануне отпущенного из советского плена бывшего гитлеровского генерал-фельдмаршала Паулюса о том, что он пришел в СССР врагом, но уходит другом. Включившись в разговор, экзекуторша, спросила: «Это тот, что ли, которого я вчера стригла?».

Следы войны еще сохранялись на улицах. Разбитое бомбой двухэтажное здание СШ-1 представляло собой остов из кирпичных стен без крыши и межэтажных перекрытий. Помещение нашего 6-го класса выгородили из половины спортзала. Учительская и остальные классы размещались в одноэтажных строениях на расстоянии квартала.

Невзгоды начались 1 сентября 1953 года. Первой «двойкой», уже было сказано, наградили «англичанин» – Евгений (отчества и фамилии не помню). Потом посыпались «пары» по другим предметам. Состояние «нокдауна», усугублялось пакостями группы одноклассников, третировавших меня на правах старожилов. В первой четверти я получил 4 «двойки» и одну «пятерку» по биологии. Казалось, учителя ставят «неуды» с тайным удовлетворением.

К четвертой четверти обстановка выправилась. Английские слова и тексты я заучивал наизусть с помощью нового приятеля Артема Аванесяна. У него же научился «бить чечетку» и приседать на одной ноге по 10 раз. За год по английскому у получил твердую «четверку». Вытянул и остальные предметы. С неприятелями в классе тоже потихоньку разобрался. Не такими уж сплоченными оказались они при ближайшем рассмотрении.

Нашу классную руководительницу звали Валентиной Михайловной. Эта мнительная дева лет 30-ти страдала неведомыми комплексами, понятными, вероятно, лишь глубинным психологам. Однажды Валентина Михайловна пожаловалась маме на произнесенный мною в классе фразеологизм «пользы, как от козла молока». И забавно горячилась, что мама, не понимает сути упрека. Впрочем, раскрыть кажущуюся подоплеку высказывания классная дама так и не решилась. Однако дважды повторила: «Ну, вы понимаете, что он имел в виду?».

Валентина Михайловна имела твердые убеждения о тлетворном влиянии предметов роскоши, например, наручных часов, на формирование нравственных качеств учеников. Это выяснилось в тот злополучный день, когда я выпросил у мамы поносить «разочек» недавно купленные ею часы «Заря». Случайно увидев механизм на моей руке во время урока, «классная» произнесла яркую обличительную речь, которую впоследствии повторила маме.

Математику преподавала Зинаида Афанасьевна, женщина средних лет с костлявым лицом, постоянно чем-то недовольная и мелочно придирчивая. Однажды она поразила нас громогласным обличением «дерзкой выходки» троечника Струкова, не подозревавшего надвигающейся напасти. Случилось так. Вызванный к доске для доказывания равенства треугольников, Струков обозначил вершины первого треугольника буквами «Е», «Б», «С». А когда

«Зинаида», поморщившись, потребовала поменять буквы местами, испуганно расставил их в порядке «С», «Е», «Б».

И тут раздался крик «Зины»: «Ты думаешь, я девочка? Думаешь, не понимаю? Вон и класса!». Обалдевший Струков стоял в ступоре, а класс, ранее не обращавший на процесс доказывания внимания, внезапно разгадал причину гнева математички.

На фоне болезненно напряженной Валентины Михайловны и сварливой Зинаиды Афанасьевны выигрышно смотрелся географ по прозвищу Гриша-партизан. Фамилии, несмотря на доброе к нему отношение, не помню. Выразительное дополнение к имени географ получил после туманных намеков на личное участие в партизанском движении во время Войны. Однако уважительному отношению к нему способствовало не возможное партизанское прошлое, а один знаменательный случай. Перед началом урока географии личный состав класса, несмотря на строгий запрет, ожидал педагога во дворе. Дорога со стороны учительской просматривалась издалека. Наблюдая за приближением географа, коллектив видел, как Гриша, переговорил на неизвестную тему с водителем остановившегося такси, а затем схватился с шофером врукопашную. По окончании поединка таксист уехал. Кто победил, мы не поняли. Гриша вошел в класс, прикладывая носовой платок к синяку под глазом. Коллектив деликатно молчал.

Пару раз географ приходил на уроки после неравной борьбы с «зеленым змием» и временами ронял голову на фанерную столешницу рядом с классным журналом. В такие моменты, сидевший за первой партой хитрый Артем Аванесян, дотягиваясь через стоящий впритык стол, ставил на открытой странице журнала точки напротив чужих (на кого Бог пошлет) фамилий. Эти метки предопределяли вызов к доске. Случайно поставить точку себе «Арта» не опасался. Его фамилия возглавляла список.

В числе других мужчин-преподавателей присутствовали учитель русского языка – Дмитрий Иванович Синько, мастер рисования «Бордюр» и учитель труда (без прозвища и фамилии).

Дмитрий Иванович, сухощавый пожилой поклонник Тараса Шевченко запомнился анекдотом на тему диалога поэта с представителем петербургской знати. Анекдот сопровождался демонстрацией кукиша (одного пальца сдачи), который Шевченко якобы «возвратил» вельможе, протянувшему для рукопожатия два пальца.

Словесник обещал «пятерку», тому, кто прочтет по-украински отрывок из стихотворения Тараса про Цуцика, напечатанный в учебнике. На это польстился приехавший с Украины Березуцкий. Однако в дополнение к обещанной пятерке заработал от Аванесяна прозвище Цуца, гармонично объединившее название стихотворного отрывка с фамилией чтеца.

«Бордюр» – пожилой лысый армянин (фамилии и имени, к сожалению, не помню) учил рисовать кубы, цилиндры и орнаменты бордюров. Верхом наших достижений было рисование лепных рельефных медальонов.

С учителем труда каждый из нас, пользуясь ножовкой и напильником, изготовил металлический кронциркуль, который разрешили взять на память. Недавно я обнаружил это изделие среди инструментов в доме мамы.

По вечерам во второй половине спортзала проходили занятия секции гимнастики. На стенах висели фотографии знаменитых советских гимнастов Л. Латыниной, А. Азаряна, В. Чукарина, Б. Шахлина и других.

Секцию вел Анатолий (отчества и фамилии не помню), выпускник Ленинградского института физкультуры им. Лесгафта. Периодически демонстрировавший участникам секции собственный коронный элемент – стойку на брусках на одной руке. На этих занятиях я освоил начальные комплексы упражнений на спортивных снарядах и заодно укрепил мышцы.

Белгородка в 1954 г.

Лето 1954 года прошло у родителей отца в селе (бывшем местечке) Белгородка Изяславского района Хмельницкой области УССР.

Путешествие на Украину началось с железнодорожной станции Минеральные воды, куда мы с мамой приехали из Георгиевска накануне вечером. Ночь провели на вокзале, коротая время в очереди за покупкой билета на поезд Кисловодск-Киев. На следующий день под присмотром супружеской пары незнакомых соседей по купе (плацкартных билетов не было) я отбыл в столицу Украины. В Киеве меня должен был встретить младший брат отца – дядя Вася – в то время студент 3-го курса философского факультета Киевского госуниверситета. Впрочем «дядя» звучало малоубедительно. Вася был старше меня на 8 лет и при встрече предложил обращаться к нему на «ты». Правда, встреча состоялась не сразу. На вокзале Васи не было. Он перепутал день приезда. Добросердечные супруги-попутчики отвезли меня в такси на квартиру, в которой он снимал угол. Квартира представляла собой одноэтажный домик с «удобствами во дворе» по адресу: ул. Малоподвальная, дом 11. Сам дворик, окруженный дощатым забором, примыкал к подножью телевизионной вышки. В сумерки, задрвав голову, я любовался красными сигнальными огнями на шпиле. В семидесятые годы 20-го века ни домика, ни двора уже не было. Вышка до сих пор видна отовсюду.

Мой приезд совпал с пышным празднованием 300-летия воссоединения Украины с Россией и передачей Крыма в административное подчинение Киеву.

Вася не пожалел времени на мое ознакомление с городом и окрестностями. Благо он сдал сессию и ожидал отправки на лагерные сборы по программе подготовки военной кафедры. Я провел у него неделю. Мы обошли и объехали достопримечательности столицы Украины, начиная с Печерской Лавры. Побывали на футбольном матче, на новом стадионе (тогда им. Хрущева), спускались на Подол и поднимались обратно на фуникулере, плавали на речном теплоходе по Днепру, загорали на окруженных хвойными лесами пляжах Десны. Незабываемое впечатление оставил вкус тогдашнего киевского кваса.

Из Киева я отправился в Шепетовку. Поезд отходил вечером. На знакомой по роману Н. Островского станции меня встречал приехавший туда накануне вечером дедушка Ткачук Василий Никонович, которого я видел впервые. Затем путешествие продолжилось на поезде Шепетовка-Лановцы до станции Белгородка. Трехсоткилометровый путь из Киева до Белгородки был поразительно медленным. Главным средством перемещения в то время служили поезда. Автобусного сообщения, несмотря на существовавшие дороги с твердым (булыжным) покрытием, не было. Много времени отнимали пересадки. Например, наше с дедушкой путешествие в Староконстантинов, где в то время жила тетя Леся с семьей, совершенное тем летом, проходило так. По железной дороге из Белгородки до станции Шепетовка – 80 км. Выезд вечером, ночевка на скамейках шепетовского вокзала под постоянное торможение дежурного по залу, не позволявшего заснуть (мера предупреждения краж). Утром поезд до Староконстантинова – 40 км. При этом расстояние между Белгородкой и Староконстантиновом по проселочным дорогам составляло 30 км. Даже теперь, в 77 лет, я готов пробежать этот путь трусцой, чтобы не ночевать на вокзале.

В Белгородке познакомился с бабушкой. Ткачук (Дзекалюк) Агафьей Демьяновной, усталой, с опухшими суставами рук и ног домохозяйкой, родившей и вырастившей пятерых детей, младшим из которых был Вася.

Дедушка родился в селе Шарлаевка. Теперь этот населенный пункт вошел в с. Волица-Полевая Теофипольского района. Первым из Ткачуков в этом селе появился отставной солдат Матвей, выслуживший в царской армии (по-тогдашнему в «москалях») 25 лет. По существовавшим на то время порядкам отставник получил за службу земельный надел размером 3

десятины (3,18 га) и вел крестьянское хозяйство. В 1850 году у Матвея родился Никон, отец дедушки. Никон Матвеевич стал учителем церковно-приходской школы в с. Поляховая Теофипольского района. Кроме дедушки, у него были две дочери – Ульяна и Евдокия, обе старше дедушки и сын Петр. Незамужняя Ульяна эмигрировала в Канаду до революции, работала экономкой и умерла там до Великой Отечественной войны. Евдокия жила в с. Поляховая. Ее единственный сын Захар, рядовой Красной Армии, погиб на фронте.

Брат дедушки Петр проходил службу в царском флоте и участвовал в Цусимском сражении в 1905 году. В 1933-м в период т. н. голодомора Петр единственный из семьи умер от голода.

Дедушка Василий Никонович родился в Шарлаевке 25 августа 1890 г. Окончил церковно-приходскую школу с отличными оценками и учился на казенный счет в Житомирской учительской семинарии. Затем на протяжении 50 лет преподавал в школе русский и украинский языки и литературу. Был награжден Орденом Ленина. Дедушка блестяще знал русских и украинских классиков. По просьбе Васи читал домашним наизусть главы из Евгения Онегина. Свободно владел нотной грамотой и руководил школьным хором, занимавшим первые места на районных смотрах. Любимым занятием дедушки было знакомство с новыми песенниками, полученными по программе «книга-почтой». И теперь перед глазами возникает картина: дедушка с распечатанным очередным песенником в руках, под световым пятном керосиновой лампы. Прочистив горло и прогудев, подбирая верный тон, неизменные «до...до...до...», начинает вести мелодию со словами из приложенного текста. Иногда песня прерывается взгласом: «Тьфу, дерьмо», – и дедушка переходит к новой странице.

Летом 1954 года на отдых в Белгородку приехала вместе с семьей старшая сестра отца тетя Лиза.

Вместе с мужем – Хмаладзе Александром Иосифовичем (дядя Шура), этническим грузином, уроженцем Киева, она в 1938 году окончила одесский «мед» и с тех пор работала хирургом. Дядя Шура с 1939 года проходил военную службу в качестве флотского врача. В Великую Отечественную воевал в островных гарнизонах (Левенсаари, Готланд, Телерс) и на кораблях Балтийского флота. Награжден орденом Красной звезды в 1942 году. Из наградного листа следует, что в боях за острова Готланд и Телерс старший лейтенант Хмаладзе оказал медицинскую помощь 278 раненым. В апреле 1942 года создал эвакуопункт на батарее дивизиона, откуда организовал отправку на самолетах с ледяного аэродрома тяжелораненых. После организации на острове военно-морского госпиталя оказывал медицинскую помощь раненым с кораблей флота⁶.

В период нашей встречи в Белгородке дядя Шура, майор-медик, проходил службу в Керчи. В этом городе он и тетя Лиза растили сыновей Алика (ныне покойного), 1939 и Сережу – 1947 года рождения. С первого знакомства в Белгородке между мной и двоюродными братьями сложились дружеские отношения, которые сохранились навсегда.

Во время первой встречи в Белгородке дядя Шура поразил процедурой умывания. Я лил воду кружкой из ведра, в то время как он проводил диковинные манипуляции на намыленных до локтей руках. Такого разнообразия движений не показывали даже в кино о хирургах. В итоге на мытье ушло два ведра колодезной воды. Мелькала мысль, что дядя перепутал предстоящий завтрак с хирургической операцией.

В то лето мы с дедушкой съездили в гости к тете Лесе в г. Староконстантинов. Тетя работала врачом городской больницы, а ее муж – Левин Виктор Романович, подполковник медицинской службы, кавалер 5-ти орденов, служил хирургом гарнизонного госпиталя. Они погибли на фронте и после 1945 года некоторое время жили в Германии. Оттуда тетя послала в Ассиновскую две посылки, первая из которых пропала. Во второй представлял интерес пласт-

⁶ <http://podvignaroda.mil.ru/?#id=50974134&tab=navDetailManAward>

массовый пистолет-зажигалка. Других вещей вспомнить не могу. У тети и Виктора Романовича было два сына: Витя 1943 и Игорь – 1947 года рождения. С Витей я подружился мгновенно. Игорь держался обособленно и постоянно ябедничал отцу о том, Витя играл в футбол вместо упражнений на пианино.

Квартира Левиных поражала невиданной роскошью немецкого происхождения. Пианино, аккордеон, широкоплечные «Agfa» и среднеформатные «Leica» фотоаппараты, ковры, хрустальная посуда в серебряной оправе, напольные часы с негромким боем низкого тембра, заполняющим окружающее пространство. Обстановка это дополнялась необыкновенно приятными запахами (очевидно, освежителя воздуха). На фоне скудного быта семьи дедушки, да и нашей с мамой жизни, это выглядело удивительно. Достаток семьи тети Лизы, как я впоследствии убедился, намного уступал Левиным.

В Староконстантинове тетя возилась со мной больше, чем с сыновьями, очевидно в память о моем отце. Однако Виктора Романовича гости заметно тяготили, и дедушка увез меня в Белогородку, несмотря на готовность оставаться с понравившимся братом Витей хоть все лето.

В последние годы жизни тетя Леся настойчиво уговаривала меня встретиться в Киеве или погостить у нее в Ровно. Виктор Романович к тому времени умер. У меня она всегда вызывала большую симпатию, однако после 1993 года мы не виделись ни разу.

Роскошь квартиры Левиных вызывала интерес необычностью. Однако жизнь в сходной с музеем обстановке представлялась неудобной. Наверное, такие же ощущения испытывал и сын тети Леси Витя.

Забегая в будущее, скажу, что осенью 1959 года Витя без предупреждения приехал к нам с мамой (которую до этого ни разу не видел) в Крымск и возвращаться обратно в Староконстантинов не захотел. Багаж Вити состоял из портфеля с личными вещами. Через неделю вдогонку брату пришло письмо тети Леси, в котором она просила приютить Витю на время. Виктор стал разнорабочим жестяно-баночного цеха консервного комбината и жил с нами до попытки поступления на учебу в военное училище летом 1960 года.

Обратный путь из Белогородки в Георгиевск в 1954 году запомнился переполненным вагоном ночного поезда из Шепетовки до Киева. Шли последние дни августа. Я ехал вместе с возвращавшимся в университет Васей. Пассажиры стояли в проходах на протяжении ночи плотно, как в городском автобусе в час пик. Два человека ехали в ближайшем к нашему купе туалету. На остановках поезд штурмовали очередные претенденты на поездку. Несколько пассажиров с билетами расположились на подножках вагона.

Дорогу из Киева до Минвод я преодолел самостоятельно. В вагоне познакомился с воспитанником Ростовской-на-Дону спецшколы ВВС. Парень носил форменную одежду с летними эмблемами и похожими на курсантские (только уже) погонами. Себя называл «спецом», а школу «спецухой». Эти учебные заведения, учрежденные в 1940 году, готовили будущих курсантов военных училищ по программе 8–10-х классов. Школы подчинялись Министерству просвещения, однако часть преподавателей состояла на военной службе в Вооруженных силах. Иногородние воспитанники жили в интернате. Местным разрешалось жить дома. Последний выпуск воспитанников спецшкол состоялся в 1955 году. Впоследствии мне неоднократно приходилось пересекаться со «спецами» по службе. Об этом расскажу в дальнейшем.

СШ № 3

Возвращение в Георгиевск ознаменовалось неприятным сюрпризом. Перед началом учебы одноклассник принес известие о том, что меня перевели в 3-ю (бывшую женскую) школу. Это был год отмены раздельного обучения.

Предстояло снова обживаться в незнакомом коллективе. К счастью, народ в классе обнаружился преимущественно знакомый. СШ-1, борющаяся за показатели в учебе, передала СШ-3 «балласт», в число которого попало большинство моих приятелей. Правда, СШ-3 тоже оказалась не промах. Своих троечниц педагоги переправили в СШ-1. Через год произошел обратный обмен и я с приятелями снова оказался в СШ-1.

В классе нас разместили вперемежку с девчонками, предложив выбирать напарниц самим. Я выбрал Веру Гридневу, симпатичную и прилежную «хорошистку», два брата которой, оказалось позже, «тянули сроки» за темные дела. Отношения с остальными девчонками у одноклассников сложились товарищеские.

В новой школе я учился без сбоев. Запомнились директор Валентина Николаевна Бабак с мужем математиком, Иваном Ивановичем, в народе – «Пендюшкиным». Происхождением прозвища математика мы не интересовались. Обращаясь в прошлое, могу сказать: некоторые личные качества Бабака давали основание усматривать в истоках его «второго имени» характерное для терского края слово «пендюк», равноценное, согласно этимологическому словарю М. Фасмера, понятию «задница». Отсюда, вероятно, и образное выражение «дать пендаля», т. е. пинка.

Супруга «Пендюшкина» периодически устраивала массовые личные обыски учеников с выворачиванием карманов в поисках запрещенных папирос и ножей, которые имелись у каждого уважающего себя ученика. У меня, некурящего, папирос не было. Нож я прятал в носок.

«Пендюшкин», очевидно по причине профессиональной деформации, относился к большинству из учеников с неприязнью. Предсказывал будущее не выше разнорабочих арматурного завода (эдакий сноб) или «зэков». Исключением служил сын райвоенкома Виктор Черепнин, отличник и гимнаст, правда, маленького роста. Вероятно по причине извечной неприязни к отличникам и представителям районной элиты, одноклассники присвоили Виктору прозвище «Чирикашка». На выдумки прозвищ коллектив был горазд. Как правило, «второе имя» не было обидным. Например, ученик Гена Муратов, именовался с намеком на литературного персонажа Л. Толстого «Генжи – Муратом».

Иногда во время уроков «Пендюшкин» потешался над фамилиями учеников. Однажды от него досталось Сипаткиной, болезненной троечнице, в очках с толстенькими стеклами. Ее фамилию математик глумливо переименовывал на разные лады. Сипаткина молчала, наклонив голову. В другой раз, повествуя о зимовке полярников на Северном Полюсе, «Пендюшкин» сообщил, что в тех широтах «водятся бобры». Видно, перепутал с песцами. За подтверждением учитель обратился к нашему однокласснику Бобровскому. Тот среагировал неожиданно: отверг утверждение о бобрах и сообщил затаившему дыхание классу, что в действительности там «водятся Пендюшки».

В тот год вводилась школьная форма. Она заметно повторяла военную, гимнастерка навыпуск, ремень с бляхой, фуражка, однако шилась из мягкой материи мышиного цвета. Ее покупали в Москве активистки из родительского комитета. Получив привезенную одежду (мне по причине опоздания достались брюки выше щиколоток), одноклассники принялись за ее усовершенствование, копируя бравых «дембелей» того времени. Я удовлетворился «наращиванием» длины штанин за счет низа гимнастерки.

Во дворе школы стоял гимнастический городок с канатом, шестом и наклонной лестницей. В теплое время уроки физкультуры проводились там. В число обязательных упражнений

входили подъем по внутренней стороне лестницы попеременным хватом рук и обратный спуск вниз головой по наружной стороне. Вторая часть упражнения без привычки была неприятной, так как часть пути приходилось преодолевать на животе без опоры на руки и зацепа носками ног. Признаваться в страхе стыдились перед стоявшими в строю девчонками и молодой учительницей физкультуры. Самые подготовленные одноклассники, в том числе Черепнин, поднимались по лестнице рывками, одновременным хватом обеих рук. Соревнуясь друг с другом, мы упражнялись на снарядах городка до начала уроков и на переменах. В итоге к концу года все ребята нашего класса могли подниматься по канату и шесту без помощи ног. Вершиной мастерства был подъем с одновременным выполнением т. н. «угла».

В середине года «Пендюшкин» совершил поступок, который я не прощу ему никогда. На одной из перемен Черепнин дал мне в коридоре сложенный лист бумаги с самолично переписанными виршами непристойного содержания. Стихи содержали и «ненормативную лексику». Я не успел прочесть галиматью, так как проходивший в учительскую «Пендюшкин» выхватил листок из рук. Через некоторое время послышалось, как в учительской закудахтали и запричитали возмущенные наставницы бывшей женской школы. «Чирикашка» слезно просил меня не признаваться в его причастности к виршам.

В начале следующего урока Бабачиха лично удалила меня из класса и срочно звала маму с работы по телефону для разбора ужасного события. После этого мама проплакала до следующего утра, а я возненавидел «Пендюшкина» с женой-директоршей. Показательно, что эти ханжи подчеркнуто не интересовались исполнителем текста. Думаю, они прекрасно узнали его по почерку, но информировать об этом папу-райвоенкома побоялись.

На письменном экзамене по алгебре за 7-й класс «Пендюшкин» оценил мою работу на «тройку» и призвал брать пример с Олега Красова, результат которого оценил на «четверку». О том, что Олег списал задачу и примеры у меня, я естественно, промолчал. В том же 7-м классе я получил годовую тройку по Конституции СССР. Она оказалась единственной в аттестате об окончании средней школы.

Как сообщает сайт георгиевской СШ № 3, В. Н. Бабак директорствовала с 1946 по 1960 год, награждена орденом Трудового Красного Знамени и значком «Отличник народного просвещения». Таким же орденом и знаком награжден за труды на ниве образования и муж директора И. И. Бабак. «Пендюшкин», кроме того, имел медаль «За оборону Кавказа», которую, получил за участие в строительстве оборонительных рубежей. Это предусмотрено положением о медали. В Красной Армии награжденный не служил. «Лица из гражданского населения» представлялись к этой медали Ставропольским и другими Советами депутатов до середины 80-х годов. О гражданском статусе «Пендюшкина» во время Войны я делаю вывод из того, что медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», которой награждались военнослужащие и участники партизанских отрядов из числа гражданского населения, он не имел. На трудовом фронте в то время, судя по всему, он также не отличился, поскольку медали «За доблестный труд во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», учрежденной для тружеников тыла, у него не было.

Накануне окончания седьмого класса сосед по улице Лева Фесенко, завершивший семилетку годом раньше, предложил мне за компанию попытать счастья в поступлении в Батумское Мореходное училище. Информацию об этом среднем специальном учебном заведении Лев вычитал в газете. Идея стать моряком привлекала, несмотря на то, что в море и даже на морском берегу мне к тому времени побывать не довелось.

Вместе слевой мы начали проходить обязательное медицинское освидетельствование в районной поликлинике. И тут случилось разочарование: терапевт, обнаружил шум второго тона сердца. В надежде на ошибку я обратился к другому терапевту – нашему соседу Кугуку. Его застал дома за прослушиванием пластинок. Старший компаньон по увлечению мотоциклами не стал откладывать дела в долгий ящик. Выключил радиолу и приложил к моей груди

фонендоскоп. Через пару минут Кугук подтвердил приговор коллеги. Затем, глядя на мою кислую физиономию, посоветовал не огорчаться по поводу возрастной особенности сердечного клапана, а насладиться вместе с ним недавно купленной пластинкой с молдавской народной песней «Ляна» в обработке Л. Лядовой. На этом мое «морское будущее» было закрыто. А песня «Ляна» и распространенные в то время ее пародийные варианты всякий раз вызывают воспоминания о батумской мореходке.

Лева Фесенко комиссию прошел, однако вскоре уехал с родителями на новое место жительства в Сочи. Как сложилась его дальнейшая судьба, мне неизвестно.

Летом 1955 года я вновь гостил у дедушки, усиленно участвуя в разнообразных, домашних работах. Свободное время проводил с соседскими ребятами на сельском пруду, примыкавшем к нашей усадьбе.

Снова СШ № 1

По приезде домой я узнал, что учиться предстоит снова в 1-й школе.

В начале учебного года два восьмых класса, наш «а» и соседний «б», поехали на уборку кукурузы в отдаленный колхоз, названия которого не помню. Ребят поселили отдельно от девочек на полевых станах, разделенных семью километрами полевой дороги. Воду для готовки и технических нужд привозили. Спали на покрытом соломой полу хозяйственного помещения. Наш «трудовой десант» длился 10 дней. Руководил группой учитель биологии «Суслик» (пусть извинит, но фамилии и имени не помню), находившийся при коллективе постоянно. После работы и ужина одноклассники бесцельно слонялись вокруг помещения до самого «отбоя», придумывая незатейливые развлечения. Однажды вечером руководитель отлучился. Куда, оставалось догадываться, так как никакого жилья поблизости не было. Этим не преминула воспользоваться наша жаждавшая разнообразия орава. Кто-то предложил сходить в гости к девочкам-одноклассницам. Толпа тут же двинулась в путь по освещенной лунным светом полевой дороге. Увы, пообщаться с одноклассницами не довелось. Вместо них нас встретила опекавшая девочек классная руководительница 8-го «а» Ирина Петровна Авакян и повернула ватагу обратно. Впрочем, и такой результат ребят не огорчил, поскольку на фоне монотонной работы и скучных вечеров сам поход уже воспринимался как приключение. На полевом стане нас встретил разгневанный «Суслик». По неведомым признакам биолог выбрал и объявил зачинщика похода, которого на следующий день отправил домой. Правда, других наказаний парень не получил.

С окончанием работ трудовой десант отвезли в Георгиевск на грузовых машинах с открытыми кузовами. Возвращались затемно. Погода была сравнительно теплая, но я умудрился сильно застудить лоб. Последствия в виде болей в лобной пазухе, возникающих даже при легком похолодании охлаждении, мучили меня много лет.

По возвращении из колхоза учеба не пошла. В классе образовался круг приятелей, предпочитавших периодически заменять нудные уроки походами на Подкумок. Через некоторое время обнаружилось, что учителя не огорчались нашим отсутствием. Зато при посещении занятий старательно «давили» прогульщиков двойками. Больше других усердствовала молодая, только что из института, физичка. Решившись взяться за ум, я старательно заучивал уроки физики наизусть. Однако выпускница вуза морила меня с непонятным рвением, выявляя прежние пробелы. «Ретро изучение» не помогало, поскольку в ответ на каждый выученный мною прошлый и позапрошлый урок физичка копала еще глубже. Это папахивало предубеждением, особенно в сравнении с ее отношением к моему приятелю, рослому детине Алику Смирнову. Этого «двоечника» начинающая учительница уговаривала подготовиться и ответить «хоть что-нибудь». На следующем уроке Алик честно заявлял, что материала не знает. А после полученной «двойки» начинал «переживать», вздыхая громко и протяжно до тех пор, пока физичка не удаляла «страдальца» из класса. Сцена разыгрывалась много раз. В конце концов переросток Алик бросил школу и пошел работать на упоминавшийся арматурный завод.

Я же понял бесполезность усилий и бросил учебу напрочь. Наша компания расширила круг экскурсий. Теперь мы стали посещать окрестные курортные города. До станции Минеральные воды (20 км.) добирались на крышах и подножках проходящих через Георгиевск поездов. Я научился бегать по крышам движущегося состава и перепрыгивать межвагонные пространства. В это время уже стали появляться цельнометаллические вагоны с гладкой крышей (жестяные были ребристыми и слегка шершавыми). Однажды во время дождя я поскользнулся на цельнометаллической крыше и чудом удержался на покато́й поверхности. После этого стал передвигаться осторожнее. Некоторые правила поведения на крыше усваивались по ходу поезда. Помню проклятия и угрозы разношерстных пассажиров «императора» в адрес одного

из моих друзей, решившего пописать с крыши головного вагона. Излишне уточнять, что недовольные размещались на крышах второго и последующих вагонов.

Из Минеральных Вод мы ехали зайцами на электричках в Кисловодск, Ессентуки или Пятигорск, где в течение дня изучали местные достопримечательности. Вечером возвращались из Минвод обратно.

Желательно было попасть на поезд Ростов-Баку с «международным» вагоном, снабженным пригодными для сидения «зайцев» подножками и лесенкой на крышу. Внутреннее устройство вагона, видимое через окно, поражало роскошными диванами с бархатной обивкой и сияющими латунью светильниками и ручками дверей купе. Увы, шикарный «международный» по неизвестной причине появляться перестал. Старые деревянные вагоны с жестяной облицовкой заменялись на цельнометаллические, конструкция которых исключала езду на подножках. Лестницы на крышу стали редкостью. В общем, трудности нарастали. Правда, цельнометаллические крыши имели одно достоинство. В отличие от кровельно-железных, они не гремели под ногами при беге. Временами на станции Минвод нас поджидала милицейская облава. Однако я не попался ни разу.

Школа к моим неудачам в учебе относилась безразлично. По крайней мере, маме ни разу никто о них не сообщал. Так что двойки в четверти оказались для нее полной неожиданностью. Для сокрытия положения в школе я, по примеру друзей, завел второй дневник, записи в котором старательно фальсифицировал. Для предотвращения возможного родительского разоблачения подлинные дневники мы отдавали на хранение друг другу.

Зимой 1955 года в Георгиевске прошло первенство края по боксу. Во втором полусреднем весе во всех боях с блеском победил Юра Минасян, инструктор местного общества «Спартак» и знакомый одноклассника Аванесяна. Впервые увидев бокс, я загорелся желанием заняться этим видом спорта. Арта согласился попросить за меня Минасяна, однако предупредил о существовавших в «Спартаке» критериях отбора новичков. Для начала кандидатов чувствительно били в спарринге. Тех, кто приходил на следующую тренировку, зачисляли в секцию и через некоторое время выдавали заветное удостоверение спортивного общества. Минасян считал такой метод защитой от периодических наплывов «горячего дерьма, которое быстро остывает».

Я был готов к испытанию. Спарринг проводил сам Минасян. Это испытание воспринималось как град многочисленных и в меру болезненных ударов со стороны тренера. Голова гудела, губы опухли, переносица посинела. Я находился в боевом трансе и плохо контролировал движения. Однако по окончании «поединка» наблюдатели с уважением отметили, что мне удалось непредсказуемым тычком поставить ссадину на скуле самому «Миносу», который снисходительно похвалил меня за упорство и принял с испытательным сроком.

С этого времени я с нетерпением ждал тренировок и выкладывался на них с максимальной отдачей.

По окончании 3-й четверти стало ясно, что на горизонте замаячил второй год. Об этом печальном обстоятельстве мама написала дедушке, который предложил в корне изменить мой образ жизни, а заодно и круг общения. Для этого следовало перевестись в Белогородскую среднюю школу. Перевод состоялся весной 1956 года.

Белгородская средняя школа

Село Белгородка, в котором дедушка учительствовал с 30-х годов прошлого века, до Войны называлось местечком. В то время значительную часть его населения составляли поляки и евреи. В начале Войны дедушка с бабушкой и двумя младшими детьми (Натальей и Василием) успели эвакуироваться в Узбекистан. Оттуда семья вернулась в разграбленный дом в 1945 году.

После Войны никто из оставшихся в живых евреев в Белгородку не возвратился. Поляки перемешались с украинцами. Однако типичный еврейский говор остался в селе навсегда.

В селе было три кладбища – украинское, польское и еврейское, православный храм и костел, ко времени моего приезда разрушенный. Школа десятилетка появилась в 1953 году.

Идею оставления на второй год в 8-м классе дедушка категорически отверг и обещал помощь учителей по наверстыванию упущенного. На деле обошлось без репетиторства. С первых дней учебы в новой школе в дневник посыпались пятерки по математике, физике, не говоря о гуманитарных предметах, которые давались без усилий. Подозреваю, что эти успехи основывались на авторитете дедушки и неведении учителей о моих «достижениях» в предшествовавших четвертях. Правда, ободренный доброжелательным отношением педагогов, я старательно штудировал учебники, иногда заучивая материал наизусть. Надо сказать, при отъезде из Георгиевска школьных документов мне на руки не дали. Папка пришла заказной почтой, повергнув в шок директора, добрейшего Давида Моисеевича Вайнера.

Давид Моисеевич прошел Войну, получил серьезное ранение. В одежде отдавал предпочтение военной форме и до конца директорской карьеры не расставался с кителем, галифе и шинелью. Мягкий по характеру, он демонстрировал напускную строгость забавной привычкой писать приказы о мелких нарушениях дисциплины отдельными учениками, а затем лично зачитывать предписания, обходя классы по очереди во время уроков. Такие перерывы в занятиях для сообщений о том, что «учень» 6-го класса имярек «вышел на перемене во двор через окно вместо двери» ученики встречали с большим удовольствием, бесспорно снижавшим воспитательный эффект мероприятия.

Однажды однообразие педагогических приемов директора прервалось яркой воспитательной находкой, направленной на борьбу с курением среди учащихся. Теплым весенним днем, когда нормальный народ проводил большую перемену на спортивной площадке, наш переросток Иван Деркач насыщался никотином за дощатой стенкой, прикрывавшей вход в школьный туалет. Судя по клубам дыма, поднимавшимся из-за ограды, курил Иван интенсивно. Очевидно, эта демаскирующая местонахождение курильщика деталь натолкнула проходившего мимо Д. М. Вайнера на неожиданное решение. Снаружи дощатого экрана стояла табуретка с рукояйником, под которым располагался таз, полный мыльной воды. Подойдя к гигиеническому устройству, директор вдруг крикнул: «Пожар!». И тут же махнул воду из таза через забор в направлении дыма.

Выбежавший наружу Деркач, некоторое время стоял безмолвно. Затем, отбросив субординацию, закричал, указывая на директора: «Хто не бачив дурня!? Дывыться, ось вин!». Инцидент, пришедшийся по душе очевидцам, продолжения не имел.

Но возвратимся к моему личному делу.

Ознакомившись с подборкой документов, Д. М. не скрывал досады из-за появления в школе приезжего разгильдяя. Об этом он сказал мне без околичностей. Затем директор устроил разнос нескольким учителям, которых упрекал в завышении моих оценок. Учтя замечания директора, длинноногий физик, по прозвищу «Боцюн» (укр. аист), тайком, без вызова к доске, добавил в журнал «тройку» и вывел мне такую же оценку за четверть. Однако математик Леонид Иосифович Ольшанский, держался твердо, заявив, что оценивает знания по собственному

убеждению и прежние оценки ему не указ. Не исключено, что тут имела место своеобразная линия защиты от упреков директора. С другой стороны, Леонид Иосифович, фронтовик-орденоносец, возможно, защищал меня, как сына погибшего на Войне одноклассника. О том, что Л. И. Ольшанский и отец учились вместе, я узнал со слов бабушки только в девятом классе. Ни дедушка, ни сам Леонид Иосифович на эту тему со мной не говорили.

Судя по опубликованным в Интернете наградным материалам, Л. И. Ольшанский, как и мой отец, был призван в РККА в 1940 году. Место призыва – село Шарлаевка Теофипольского района Каменец-Подольской (теперь Хмельницкой) области. Отец родился в этом селе в 1917 и там же окончил среднюю школу в 1934 году.

К слову, в 9 и 10 классах математику преподавала Гайдученко О. Д., новая учительница из приезжих. Она оценивала мои знания на «4» и «5» без всяких привходящих обстоятельств.

По моим теперешним соображениям, основным отличием большинства учителей Белогородской школы от георгиевских «педЕгогов» было присутствие такого качества, как человечность. Многие из них, включая директора, были одиночками, жили в съемном жилье и, очевидно, перенесли какие-то жизненные невзгоды. Со временем стал понятен их по-крестьянски осторожный подход к формальной оценке школьных знаний. В отличие от коллег из георгиевских СШ № 1 и № 3, они не терроризировали тех, кто не осиливал сходу высот школьной программы, не впадали в истерику по поводу ошибок в выполненных заданиях, вероятно считая, что аттестат зрелости должен получить каждый, кто прикладывает для этого усилия. Ни одного второгодника в старших классах не было. Окончательную оценку зрелости каждый из нас должен был получить по ходу обустройства собственной жизни после окончания школы. Оглядываясь назад по прошествии полувека, отмечу, что большинство одноклассников стало профессионалами в различных сферах деятельности. В их числе учителя, врачи, журналисты, преподаватели ВУЗов, ученые, офицеры, военные летчики и летчики ГВФ. На постоянное жительство в Белогородке из 34 одноклассников остались двое, один выбрал специальность ветеринара, другой колхозного механизатора.

Называть учеников бездельниками, как это было в Георгиевске, наши совестливые учителя не могли. Хотя бы потому, что большинство школьников много работали по дому. Некоторым приходилось тратить на дорогу в школу и обратно время, сопоставимое с часами, проведенными на уроках. Треть нашего класса жила в 7-ми километрах от Белогородки в селе со звучным названием Дворец, не имевшем собственной десятилетки. Это расстояние ребята и девочки преодолевали пешком по полевым дорогам дважды в день в любую погоду. Благо учились мы в одну смену и занятия начинались в 10 часов утра.

Восьмой класс я закончил с неплохими оценками. Часть из них следовало отнести к авансу, который был отработан на завершающем этапе. В аттестате об окончании средней школы на меня бросала тень одна понурая «тройка» по конституции – шлейф из 7-го класса. По большинству остальных предметов, включая физику и математику, гордо выкатывали грудь «пятерки».

Характерной особенностью сельской жизни было участие школьников 8–10-х в летних и осенних сельхозработах колхоза. Летом трудились в охотку. Сказывались окончание учебного года, теплая солнечная погода, азарт коллективного труда и даже мышечная радость от физических усилий.

Во время уборочной меня в числе нескольких одноклассников взяли в качестве грузчика на машины, перевозившие зерно с колхозного тока на пристанционный пункт «Заготзерно». Пятеро ребят, умевших управляться с лошадьми, возили зерно на ток от комбайна на «бестарках» – возах для транспортировки зерна насыпью.

Погрузочные работы начинались в середине дня. До этого зерно сушилось на солнце. Вечером его засыпали в стандартные мешки весом по 50 кг (случались и нестандартные кули по 60 и даже 80 кг.), которые мы грузили на машину, а на станции носили из кузова в зернохрани-

лице, на конвейер. Я в то время весил 63 кг. Когда конвейер ломался, это случалось несколько раз, мешки поднимали по дощатому трапу на вершину зерновой кучи, стараясь высыпать в сторону как можно дальше. Иначе просыпавшееся на трап зерно делало его опасно скольким. Отмечу, что среди грузчиков по неизвестной причине не было ни одного взрослого. Мужчины занимали места только на току и на приемке зерна.

Работа продолжалась до полуночи. После завершающего рейса мы купались в пруду. Затем я ел оставленный с вечера ужин и шел спать на сеновал.

В середине лета 1956 года в Белогородку с намерением получить место учителя в средней школе приехал Вася. Предыстория этого события такова. После окончания Киевского университета дядя работал учителем в Бериславе, районном городе Херсонской области. Тетя Лиза (для Васи Лиза), семья которой к тому времени жила в Одессе, предложила ему переехать в «Жемчужину у моря», пообещав помощь с жильем и трудоустройством. В Одессе, Лиза работала хирургом в госпитале инвалидов Великой Отечественной войны, дядя Шура преподавал в медицинском училище.

Планируя дальнейшую судьбу Васи в Одессе, Лиза присмотрела брату подходящую, по ее воззрениям, невесту. Последнее обстоятельство Васе известно не было. Незадолго до предложения Лизы о переезде он женился на молодой выпускнице Харьковского сельскохозяйственного института Козловой Октябре (Рине) Васильевне. Уволившись с прежнего места работы, молодожены прибыли в «город у моря». Однако оказалось, что женитьба Васи, о которой Лиза до поры не знала, вызвала у нее сильное раздражение. Властная по характеру (и профессии), она была на 20 лет старше Васи и относилась к нему, как к мальчику, нуждающемуся в жестком руководстве на жизненном пути. Избранница Васи, в сравнении с присмотренной Лизой невестой, ей не понравилась. Об этом тетя откровенно сказала молодым. Кстати, так же, по словам бабушки, она реагировала на женитьбу моих родителей. Отцу тоже заранее подобрала невесту. Неодобрительно отзывалась о моей маме, которую отец, судя по сохранившимся письмам за 1937–1941 годы, горячо любил. Это подтверждала и бабушка.

В итоге поездка в Одессу завершилась для Васи ссорой со старшей сестрой. На помощь Лизы рассчитывать не приходилось. Молодые приехали в Белогородку, где Вася рассчитывал получить место учителя истории, но вакансии к приезду были заняты. Пришлось согласиться на должность учителя средней школы села Щуровцы, расположенного в 16 километрах от Белогородки.

Работа в этой школе заслуживает отдельного описания. Регулярного транспортного сообщения между нашими населенными пунктами не было. Зато их соединяло мощное булыжником шоссе Новоград-Волынский-Ямполь. Дорога была построена в 30-х годах для военных целей. Вася приобрел велосипед, на котором с началом учебного года ежедневно преодолевал по этому шоссе злосчастные 16 километров в обоих направлениях в любую погоду. Порой промокал до нитки. В осеннюю непогоду возвращался забрызганный грязью, зимой, в метель – облепленный снегом. Однажды приехал глубокой ночью, так как был занят заклеиванием 16 проколов, сделанных на колесе велосипеда обиженным «двойкой» учеником.

Помню, он мучительно страдал от постоянных ангин. Вечера проводил за составлением планов и конспектов. Рине повезло больше. Она получила должность зоотехника Белогородской МТС.

Вскоре после Васи и Рины в Белогородку сюда же на отдых прибыла Лиза с семьей. На второй день после ее приезда бабушка решила испечь в давно не использовавшейся русской печи пирожки с вишнями. Собрав по просьбе бабушки полведра ягод, я ушел на колхозный ток.

Мы грузили мешки на первую машину, когда раздался сигнал пожарной тревоги. Работавшие бросились к свободным машинам. Оказалось, горел наш дом. Огонь пошел на чердак из поврежденной кладки трубы русской печи. Благодаря слаженным действиям добро-

вольцев-пожарных урон оказался сравнительно невеликим. Крыша сгорела, однако потолок сохранился.

В сложившейся ситуации отдых семьи Хмаладзе в Белгородке не состоялся. Тетя Лиза с мужем и детьми через пару дней уехала домой. Мы занялись восстановлением крыши. Как назло, сухая и жаркая погода сменилась ежедневными затяжными дождями. С потолка текло, одежда и постели промокли и были заляпаны падавшей сверху глиной. Не раз по вечерам очередное стекло горящей лампы разлеталось на куски из-за упавшей на него капли воды. Спали, накрывшись поверх одеял клеенками. Рина, выросшая в благоустроенной харьковской квартире, тихо плакала.

Началась эпопея с добыванием леса на стропила и обрешетки, покупки черепицы и пр. Контора Госстраха выплатить возмещение ущерба по договору обязательного страхования имущества отказалась. Как утверждали страховщики, пожар не относился к страховым случаям, поскольку мы не замазали вовремя швы трубы глиной. Демагогия страховщиков сформировала у меня стойкое отвращение и недоверие к представителям этой профессии.

На восстановление крыши ушло дней 20. Мы ездили в далекое лесничество за бревнами для стропил. А затем, пока плотники тесали эти бревна, искали дефицитную черепицу. Кровлю купили у частника в Шепетовке.

Удивительно, но в день завершения работ наступила сушь. Дожди прекратились до осени.

По окончании укладки черепицы удивительные слова произнес сосед – пенсионер Белоусов. Он жил вдвоем с женой в четырехкомнатном доме, метрах в 10-ти от нас. Услышав слова о том, что теперь нам не страшен никакой дождь, он неожиданно воскликнул: «Ой, а почему же вы не перешли к нам на время ремонта? У нас же две комнаты свободны».

Осень 1956. Отголоски венгерских событий

Работа школьников в колхозе продолжалась и осенью. Только в это время года она не была добровольной. В поле выходили строем все ученики восьмых, девярых и десятых классов. Это были многодневные, до трех недель, мытарства со свеклой, которую мы, подобно саперам из военных фильмов, добывали из непролазной грязи или замерзшей земли собственными кухонными ножами, очищали от ботвы и грузили на подводы и машины. Ежегодные задержки уборочной кампании до глубокой осени объяснялись ожиданием команды «сверху», обусловленной расчетом на дополнительный «набор сахаристости» корнеплодов. В итоге расчеты оборачивались изуродованными в грязи автомашинами и морожеными «буряками».

В отличие от сталинских времен, никаких денег школьникам колхоз за работу не платил. Обедом не кормил. И даже не поблагодарил устно по окончании трудов. Во время учебы в 9 классе, на уборке свеклы в конце октября или в начале ноября 1956 года я умудрился при нулевой температуре обморозить мизинцы и безымянные пальцы на обеих руках и ногах. Несмотря на то, что раздутая кожа потрескалась, зудела и сочилась клейкой сукровицей, а пальцы по толщине напоминали сардельки, просить об освобождении казалось стыдным. Последствия обморожения давали себя знать шелушением и зудом длительное время после окончания уборочной.

Участие в свекловичной страде казалось естественным повседневным делом. В зрелые годы, сравнивая эту эпопею с трудами школьника-«комбайнера» М. С. Горбачева, подменявшего отца, на время краткого отдыха, я не мог понять, каких фантастических результатов надо было добиться девятикласснику в результате двадцатидневных «покатушек» на «корабле полей», чтобы стать кавалером Ордена Трудового Красного Знамени.

Свободное время по вечерам я проводил за чтением книг из дедушкиной библиотеки. Иногда, если слабенький движок МТС «давал электричество», слушал приемник.

Запомнился октябрьский вечер 1956 года, когда из приемника вдруг раздался громкий голос диктора, клеймивший на русском языке «советские танки и бронемашины», брошенные против «восставшего народа». Речь шла о так называемых венгерских событиях. Затем в центральных газетах появились страшные снимки «революционных» проявлений в виде растерзанных, сброшенных из окон верхних этажей или повешенных вниз головами людей.

Через десяток лет личные впечатления об этих событиях мне описали два моих товарища, непосредственно участвовавшие в них в качестве солдат срочной службы Советской Армии. Оба попали в Венгрию в составе своих частей, поднятых по тревоге и перебросенных из Смоленской и Львовской – областей. Первый – мотострелок Саша Смола, участвовал в перекрытии потока вооруженных «революционеров» из числа прикормленных пиндосами фашистских недобитков и военной техники, вливавшихся на территорию Венгрии через распахнутую границу со стороны Австрии. Получил пулевое ранение в лоб. К счастью, касательное.

Второй – десантник из Львова Дима Малый, попал в Будапешт. Самым тяжелым периодом, по его воспоминаниям, было время запрета на применение оружия, несмотря на обстрелы из автоматов и гранатометов со стороны «революционеров». Часть безоружных советских солдат, «дембелей», ожидавших отправки домой, «борцы за свободу» убили на вокзале.

В ту осень в окрестностях Белогородки в качестве приветов «революционного народа» появились потерявшие полетные качества американские воздушные шары с пакетами многостраничных листовок-раскладок на польском языке. Видимо, воздушные потоки пронесли «посылки» над Польшей быстрее расчетного времени. Эти комиксы, отпечатанные на тонкой бумаге, изображали тогдашних руководителей СССР Хрущева и Булганина в виде челядинов Сталина, обмахивающих «тирана» опахалами, сообщали об их участии в репрессиях против

польских «достоиников», по – теперешнему – «элиты». Поскольку язык листовок бы сходен с украинским, понять содержание текстов труда не составляло.

Пожухшие шары с остатками газа перекатывались порывами ветра по убранным полям. Жители Белогородки и других сел гонялись за ними пешком и на велосипедах с заветной целью изготовить плащ – накидку из тонкого и прочного «буржуйского» материала. Это был невиданный до того времени полиэтилен. Одноклассница Маша Луговая, став обладательницей такой накидки, с гордостью показывала, как этот плащ из тонкого и прочного материала складывается в пакет размером с ладонь.

Листовки-раскладки, повествующие о страданиях и бедах Польши, породили ходившую по школе ироническую присказку: «Газет не читаем, нічого нэ знаєм, як у Польщі бідують пань!».

Впрочем, листовки на украинском языке тоже вскоре появились на базарной площади – майдане. Прокламации представляли собой рукописный текст, призывавший бороться за «Самостійну Україну». Исполнители нашлись скоро. Это были окончившие семилетку несовершеннолетние Бондарь и Долинский. В ночь расклейки прокламаций они заодно обворовали сельмаг, а похищенные убогие промтовары пытались сбыть в следующее воскресенье тут же, на майдане. Здесь парочку задержал вездесущий оперуполномоченный из Изяслава Геллер (о нем – далее). В ходе следствия выяснилось, что на оба деяния ребят подбил «западянин» родственник Долинского, приезжавший из Ровенской области. В итоге, участников кражи осудили к лишению свободы сроком на 1 год каждый с отбытием в колонии для несовершеннолетних. От наказания за листовки, призывавшие «к насильственному изменению конституционного строя» Бондаря и Долинского освободили в связи с недостижением возраста уголовной ответственности.

Надо сказать, что идеи «самостийности Украины» сельчан не интересовали. К жителям западных областей, которые каждую осень приезжали закупать в колхозе картофель, отношение было настороженное. Между собой жители называли их «бандерами».

События осени 1956 года напомнили об опереточном происшествии годичной давности, отразившем готовность крестьян «пресекать происки империалистических наймитов».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.